

PRO **суверенную** **демократию**

ТРИАДА
РУССКИХ
ЦЕННОСТЕЙ

МЫ И ЗАПАД

НОВАЯ
РОССИЙСКАЯ
ЭЛИТА

ЧТО ТАКОЕ
СУВЕРЕННАЯ
ДЕМОКРАТИЯ

Леонид Поляков

PRO суверенную демократию

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165932
PRO суверенную демократию.: Европа; Москва; 2007
ISBN 978-5-9739-0120-2

Аннотация

В российской политической культуре есть уникальная интеллектуальная традиция: на переломных этапах нашей истории группа известных своими нестандартными взглядами людей предпринимала общую попытку осмысления происходящего и предлагала свое видение будущего страны. Предлагаемый вниманию читателя сборник в чем-то продолжает эту большую традицию, и в то же время ее существенно меняет. Круг авторов весьма широк: ведущие российские политики, видные региональные лидеры, депутаты Госдумы, авторитетные политические эксперты и политические публицисты. Сам сборник стал возможен как острая политическая рефлексия, вызванная президентским Посланием-2005, его смысловое ядро образуют тексты Владислава Суркова. Так что всех имеющих вкус к «политическому» ждет увлекательное чтение.

There is a unique intellectual tradition in Russian political culture – at every critical stage in our history a group of people known for their non– conventional thinking would make an general attempt to comprehend the present and present its vision of the Russia's future. The present collection draws upon this noble tradition in some ways while at the same time it significantly modifies it. The range of authors is wide enough: leading Russian politicians, prominent regional leaders, deputies of the State Duma, reputable political experts and political writers. The collection owes its appearance to a critical political reflexion triggered by the 2005 presidential address to the nation with the texts of Vladislav Surkov forming its conceptual core. The book makes a savvy reading for all those who relish all political things.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
В. Третьяков	7
М. Соколов	11
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА	12
КЛАССИКА ЖАНРА	13
ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ	14
ИЗЪЯНЫ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	15
ЧУДО-ОРУЖИЕ	16
СУВЕРЕНИТЕТ ВСЮДУ ЕСТЬ, ЕГО НИГДЕ НЕТ, И ОН	17
НИКОМУ НЕ НУЖЕН	
УДОБСТВА ЭВТАНАЗИИ	18
ТЕРМОЯДЕРНЫЙ АНЕКДОТ	19
НЕУДОБНЫЙ ЯЗЫК, НЕУДОБНАЯ КУЛЬТУРА	20
ВОПРОС ДОЗРЕЛ	21
М. Рогожников	22
В. Сурков	25
В. Иванов	40
1.	41
2.	42
3.	43
Л. Радзиховский	46
ЕДИНАЯ РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА	47
САМЫЕ ЦЕННЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ – В МОЗГУ	49
«КРЕПОСТЬ РОССИЯ» ИЛИ «ОФШОРНАЯ РОДИНА»	51
МОДЕРНИЗАЦИЯ СВЕРХУ	52
А. Проханов	54
В. Третьяков	57
С. Батчиков	60
СТРАННАЯ ЛОГИКА ИЛИ БЕГСТВО ОТ БЕЗОПАСНОСТИ	60
1.	62
2.	63
3.	64
4.	65
5.	67
6.	68
7.	69
8.	70
9.	71
В. Рудаков	73
В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ	74
ПРОДУКЦИЯ ДЛЯ МАССОВОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ	75
«СПИСОК СУРКОВА»	77
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «СУВЕРЕННОЙ	78
ДЕМОКРАТИИ»	
ОСЕДЛАТЬ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ!	79
НОВЫЙ ДЕРЖАВНЫЙ МИФ	80

А. Коновалов	82
ТРЕБУЕТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА	83
ПРЕЗИДЕНТ, ДЕМОКРАТИЯ, СУВЕРЕНИТЕТ	86
КАК ПОБЕДИТЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ?	90
ИНТРИГА-2007-2008	93
М. Юрьев	95
КРИТИКА «СПРАВА»	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Леонид Поляков

PRO суверенную демократию

ПРЕДИСЛОВИЕ

В российской политической культуре есть уникальная интеллектуальная традиция: на переломных этапах нашей истории группа известных своими нестандартными взглядами людей предпринимала общую попытку осмысления происходящего и предлагала свое видение будущего страны. Предлагаемый вниманию читателя сборник в чем-то продолжает эту большую традицию, но в то же время ее существенно меняет. Во-первых, круг авторов весьма широк и знаково репрезентативен. Это – ведущие российские политики, видные региональные лидеры, депутаты Госдумы, авторитетные политические эксперты и политические публицисты. Во-вторых, авторы, представленные под одной обложкой, далеко не во всем друг с другом согласны, и сборник словно заряжен живыми токами незатаившей общественной дискуссии. И, в-третьих. Сам сборник стал возможен как острая политическая рефлексия, вызванная президентским Посланием-2005. Тогда Владимир Путин, не употребляя термин «суверенная демократия», предложил закрепить за Россией как «суверенной страной» исключительное право «самостоятельно определять для себя и сроки, и условия» реализации «принципов свободы и демократии». Естественно, сам этот термин прочно связывается с помощником президента Владиславом Сурковым, тексты которого не только обосновывают заголовок сборника, но и образуют его смысловое ядро.

Родословная термина «суверенная демократия» еще до конца не прояснена. Но его историческая «законнорожденность» и теоретическая «легитимность» несомненны. О «демократии» не просто писали, различные ее формы основательно исследовали еще Платон и Аристотель. О «суверене» и «суверенитете» европейская политическая философия размышляет уже 500 лет. Ж. Боден и Т. Гоббс, Ж. – Ж. Руссо и И. Кант, Б. Констан и Ф. Гизо, К. Шмитт и Б. де Жувенель – один перечень этих имен свидетельствует о том, насколько значимой для политической практики европейцев является проблема источника и носителя высшей власти.

И не случайно крупнейшие западные политики посчитали возможным соединить «демократию» и «суверенитет» в одном определении для того, чтобы описать реалии современного и будущего мира. Так, в 2004 году Романо Проди назвал Европейский союз «федерацией суверенных демократий». А Дик Чейни вторил ему в 2006 году, заявив на конференции в Вильнюсе, что провидит на постсоветском пространстве «сообщество суверенных демократий».

Этих фактов достаточно, чтобы прекратить невежественные разговоры о том, что «суверенную демократию» якобы придумали, чтобы так выразить свое право на «авторитарный» изоляционизм. Беспокоиться следовало бы о прямо противоположном: не означает ли такая рецепция из западного политико-теоретического мейнстрима отказ от той идейной и интеллектуальной суверенности, которая сегодня является определяющей («кто слушает – тот слушается»)?

На это законное беспокойство ответу следующее. «Суверенная демократия» – это термин, с помощью которого можно описать ключевую дилемму каждого народа в современном глобальном мире. А именно: как одновременно быть частью общечеловеческого сообщества и сохранять свободу собственного самоопределения. На разрешение этой дилеммы и должен ориентироваться новый политический язык, особенность которого в том, что он лишь в той степени будет национален, в какой – глобален.

Пример построения такого языка демонстрирует Владислав Сурков, когда определяет «суверенитет» как политический синоним конкурентоспособности страны. Вполне логично из этого следовало бы определение «суверенитета» и как геополитического синонима свободы народа. Что, собственно, мы и видим в очередной экспликации термина, предложенной Сурковым: «Сильным государством я считаю эффективное самоуправление свободных людей. В этом смысл демократии и в этом смысл суверенной демократии».

И опять же – не случайна коннотация суверенитета и эффективности в связи с демократией. Вроде бы само собой: если народ – это суверен, то и его власть (демократия) суверенна. Получается толчение воды в ступе? Не получается. Руссо полагал, что воля суверена абсолютна и ничем не ограничена – «суверен по определению прав». Но политическая практика внесла серьезную коррекцию в этот логически безупречный тезис.

Суверен может использовать свою волю губительным для себя же образом. Сурков это убедительно демонстрирует на примере Февраля-1917: «политическое самоубийство правящих, мыслящих, имущих, служащих классов России произошло задолго до Февраля. Возможно, тогда, когда вся эта масса двинулась в свой освободительный поход, во времена ли Достоевского или декабристов, не имея ни достаточной интеллектуальной самостоятельности, ни способности к самоорганизации и политическому самоуправлению. Именно тогда, на мой взгляд, демократия была заранее проиграна правящим классом Российской империи».

Как раз «неудавшиеся государства», «неэффективные демократии» в новейшей редакции Стратегии национальной безопасности США рассматриваются как основная угроза миру. Такая терминологическая переключка Кремля и Белого дома – свидетельство того, что «суверенная демократия» это всерьез и надолго. Из двух мировых центров силы исходит одновременное и в чем-то совместное протраивание глобального политического языка третьего тысячелетия. Идет борьба если не за дискурсивное господство, то, по крайней мере, за дискурсивный паритет. И данный сборник – часть этой борьбы. Так что всех имеющих вкус к «политическому» ждет увлекательное чтение.

Леонид Поляков

В. Третьяков

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

О политической философии Владимира Путина

Нынешнее президентское Послание Владимира Путина, безусловно, самое интересное из всех шести, им произнесенных.

И безусловно же, что это самое «философское» из его шести посланий.

Прежде чем разобрать составные части политической философии Владимира Путина, отмечу несколько важных моментов, по-моему, пока не оцененных комментаторами Послания, в основном разбирающими его конъюнктурно-политические аспекты и противоречия между «правильными» тезисами Путина и «неправильными» действиями кремлевской власти. Такая критика следует и справа, и слева. Во многом она справедлива, но требует отдельного разбора.

Итак, не о конъюнктурном.

Свою политическую философию Владимир Путин сформулировал на шестом году президентства. Произошло ли это случайно, под влиянием ли накопленного опыта и соответствующих раздумий, или так было задумано еще при приходе к власти, не столь важно. Важно, что эта философия оглашена в 2005 году. Важно, что теперь она имеется.

Далее. Владимир Путин почему-то счел нужным сообщить, что данная «программа действий» является «нашей совместной программой на ближайшие десять лет».

Но ведь срок его президентства завершается в 2008 году, то есть через 3 года.

Не буду далее развивать цепь этих рассуждений, к которым можно присоединить еще ряд аргументов, а также прямых и косвенных доказательств того, что я готов утверждать.

Перейду к самому утверждению: судя по всему, Владимир Путин уже принял решение продолжить свое лидерство в российской политике и за пределами 2008 года. В каком формальном статусе – отдельная тема. Но решение, повторюсь, судя по всему, принято.

Теперь собственно о политической философии Владимира Путина, проговоренной им пока тезисно, с пропусками некоторых существенных составляющих (случайно или специально сокрытых), не до конца стратегически продуманной, почти совершенно не проработанной инструментально, но все-таки вполне определенной. Излагая эту философию, я буду максимально опираться на оригинальный путинский текст, специально отмечая собственные, то есть мои, ремарки, пояснения и расшифровки.

Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией.

В течение трех столетий Россия развивалась вместе с другими европейскими народами и культурно, и политически, и общественно-граждански, в чем-то отставая, но в чем-то и опережая страны и народы «классической», то есть Западной, Европы.

Россия (русские) – одна из древнейших наций Европы, имеющая тысячелетнюю историю государственности.

Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникшая в ней самая ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости.

Советский период не «черная дыра» в истории России, а Советский Союз не был «империей зла», скорее наоборот – это Путин говорит не прямо, а косвенно: крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века, для российского народа оно стало настоящей драмой (перечисляются все основные составляющие этой драмы вплоть до хасавюртовской капитуляции и интервенции терроризма). Солдаты Великой Отечественной войны (то есть советские солдаты) – это солдаты свободы, которую они принесли не только своей стране, но и миру, избавив его от чужеземной идеологии и тирании.

Молодая (новая) российская демократия является продолжением российской государственности, а не ее крахом.

Суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в Послании, но фактически все его пронизывающая

От советской системы по собственному выбору и желанию Россия перешла к новому этапу своего развития – строительству одновременно демократического, свободного (суверенного) и справедливого общества и государства. И они, российское общество и государство, сами будут определять сроки, этапы, условия и формы этого развития.

Суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в Послании, но фактически все его пронизывающая.

Слово «свобода», как правило, без дополнительных уточнений, в путинском тексте употребляется либо раздельно, либо даже слитно сразу в двух смыслах: как свобода человека внутри российского общества и как свобода (суверенность, независимость, самодержавность) России в мире, в том числе и перед лицом других крупных и крупнейших стран.

Современное российское общество должно быть свободным (открытым) как внутри себя, так и вовне, не теряя при этом ни своей самости, ни целостности своей территории.

Более того, цивилизаторская миссия российской нации как европейской на евразийском континенте должна быть продолжена. Это, на мой взгляд, важнейший, хоть в данном Послании и слишком скороговоркой произнесенный исторический и стратегический (в том числе и прогностический) тезис, прозвучавший из уст Владимира Путина.

Мы – свободная нация. Путин еще раз, причем в самой афористичной форме, подтверждает принцип внешней и внутренней суверенности России.

Необходим новый курс – курс новой демократизации, не отвергающий, однако, задачу постоянного укрепления российского государства, но уже не как противовеса хаосу и отдельным людям, а как механизма общественной гармонизации и защиты прав суверенного человека

Но реализация этой свободы возможна лишь в том случае, если мы будем сильными и успешными. Ни того ни другого пока в достаточной степени не наблюдается. Это – следствие сложного хода исторического развития России и, в частности, событий конца 80-х-90-х годов XX века, приведших, помимо прочих бед, к деградации всех государственных и общественных институтов страны.

Политика стабилизации (первые годы путинского президентства вплоть до нынешнего) была реакцией на все эти беды и проблемы. Эта политика себя оправдала, но к настоящему времени исчерпала свои позитивные ресурсы.

Необходим новый курс – курс новой демократизации, не отвергающий, однако, задачу постоянного укрепления российского государства, но уже не как противовеса хаосу и отдель-

ным людям, а как механизма общественной гармонизации и защиты прав суверенного человека.

Одно из главных препятствий на пути такого развития государства и общества – значительная часть российского чиновничества, понимающего государственную службу как разновидность личного и государственного бизнеса.

Простое решение этой проблемы невозможно, ибо тогда верх возьмет бюрократическая реакция. Путин не расшифровывает этот тезис, но, очевидно, имеет в виду две вещи. А именно то, что механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны – опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы.

Речь, следовательно, идет о возможности реинкарнации на новом этапе ГКЧП образца 1991 года как реакции на стремительно развивающийся тогда распад страны и общества.

Далее Путин решительно заявляет, что не позволит передать страну в руки неэффективной, да еще и коррумпированной бюрократии.

Он еще раз фиксирует приоритет либерального подхода в развитии экономики при сохранении командных и владетельных высот государства (как представителя общества) в некоторых стратегически важных для безопасности страны (в том числе сырьевой и инфраструктурной) отраслях и сферах.

Очерчивая политические реформы (новую демократизацию), Путин ставит пока очень скромные цели, еще раз объясняя (не прямо) эту скромность тем, что с учетом своей исторической, геополитической (sic!) и иной специфики Россия сама будет определять сроки и условия демократизации.

Несмотря на эту скромность, некоторые предложения Путина звучат почти сенсационно: плюрализация телевизионных СМИ, законодательное введение института парламентского расследования и пр. Впрочем, главной сенсацией будет то, если все это будет реализовано.

Принципиальнейший (с моей точки зрения) момент – обращение президента к демографической проблеме. О ней он не говорил очень давно. И сейчас сказал еще слишком общо, неконкретно и поставив опять же весьма скромную цель – стабилизация численности населения. Но тут, думаю, он опирался на слишком робкие, оппортунистические рецепты наших демографов. Тем не менее сам факт обращения президента к этой проблеме фундаментально значим.

Наконец, в финальной части Послания Владимир Путин говорит о необходимости возрождения нравственности в российском обществе, беря за образцы ее уровень и в царской России, и в Советском Союзе.

Этим, с одной стороны, еще раз абсолютно правильно фиксируется идея непрерывности российской истории, а с другой – в политическую философию России, предлагаемую обществу, вводится абсолютно необходимая, но полностью игнорировавшаяся все последние 15 лет ее составляющая – этическая.

Политическая философия Путина нуждается теперь в общенациональном обсуждении, ибо она, несмотря на свою концептуальную ценность, далеко не во всем безупречна и непротиворечива. Я, например, собираюсь выступить с более пространным и фундаментальным анализом этой философии на страницах журнала «Политический класс» и в телепрограмме «Что делать?».

Боюсь, правда, что приближающийся сезон каникулярного гедонизма нашей политической и интеллектуальной элиты может свести на нет многое из предложенного Владимиром Путиным. А к осени та самая бюрократия, которую столь удачно и точно описал в своем

Послании президент, заболтает все его интенции «всенародной» и «всебюрократической» поддержкой и одобрением, то есть наиболее эффективной формой саботажа. Этому надо сопротивляться.

М. Соколов

СУВЕРЕНИТЕТ И СВОБОДА

Суверенитет применительно к государству и нации есть то же самое, что свобода применительно к индивиду. При этом и то и другое не наличествующая данность, а ценность, которую необходимо отстаивать и отстаивать.

Та мысль, что государственный суверенитет не дается даром и навечно, но его должно завоевывать и все время отстаивать, дошла до нашего общества и до нашего политического класса далеко не сразу. Отсюда и бытующий взгляд на эту проблему как на пустую политтехнологическую придумку. Только если суверенитет – придумка, тогда и свобода – придумка. Вернее все же будет сказать, что свобода и суверенитет, будучи тесно связанными – вещи важнейшие и насущнейшие.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Термин «суверенная демократия» был введен в употребление, чтобы обосновать ту мысль, что внутренняя политика России должна быть по существу внутренней, т. е. вопросы властвования и властного преемства должны решаться исключительно внутри – без какого-либо внешнего вмешательства и уж тем более без прямого внешнего арбитража. Термин, однако, против воли его создателей чрезмерно хорошо укладывался в советскую синтаксическую модель уничтожающего определения. Был просто гуманизм, и был социалистический гуманизм («если враг не сдается, его уничтожают»). Был просто рынок, и был социалистический рынок (сильно не пойми что). Была просто демократия («буржуазная» и «формальная»), и была демократия социалистическая, а также народная демократия, т. е. «народное народовластие». За то, что СССР подарил им такую тавтологию, страны Восточной Европы до сей поры очень любят Россию. Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы идею, нуждающуюся и в разъяснении, и в прочувствовании, обреченную столкнуться и с добросовестным непониманием, и с не всегда добросовестным политическим противлением, вводить в оборот посредством термина со столь сильным советским обременением.

Суверенное качество демократии не является ни ограничивающим, ни уж тем более уничтожающим определением

Возможно, уместнее было бы начать с того, что суверенное качество (в отличие, например, от социалистического) демократии не является ни ограничивающим, ни уж тем более уничтожающим определением. Более того, в смысловом отношении оно даже и определением не является, будучи всего лишь указанием на *conditio sine qua* поп демократии как таковой. Если вопрос о власти не является сугубо внутренним и, следовательно, суверенным вопросом государства, это государство может быть самым распрекрасным в том или ином отношении, но демократическим в полной мере его назвать невозможно.

КЛАССИКА ЖАНРА

Демократия определяется как верховная власть суверенного народа. Суверенного – следственно, воля народа, выраженная посредством тех или иных процедур, является последней инстанцией, над которой иных высших инстанций более нет. Изначально эта конструкция была направлена прежде всего против иной внутренней инстанции – королевской власти с ее божественным правом, т. е. утверждалось, что не монарх (вар.: генсек ЦК КПСС), но народ есть верховный суверен и власть должна исходить именно от него. Тем не менее претензии каких-либо внешних инстанций отвергались с той же страстью, что и претензии внутреннего свойства. «Contre nous de la tyrannie l'étendard sanglant est levé» – эти слова «Походной песни Рейнской армии», каковая стала «Марсельезой», написаны отнюдь не про Людовика XVI, а про императора Священной Римской империи. Как раз та легкость, с которой проклятия внешней тирании были переадресованы собственному королю, а потом, когда в 1914 г. страшная песня гремела на Западном фронте, снова была обращена к внешнему неприятелю, свидетельствует о том, что учение о суверенном народе не делает различия между теми, кто посягает (или обвиняется в посягательстве) на безусловное право последней инстанции. Если рассматривать годичной давности события на Украине в рамках демократической классики (страна *liberte, egalite, fraternite* – куда уж классичнее), то России, конечно, тоже бы досталось (да и доставалось – вспомним тревожные сообщения «Entendez-vous dans la campagne mugir se российский ОМОН?»), но В. А. Ющенко за устройство внешнего арбитража с участием Квасьневского и Соланы следовало бы в соответствии с классическими образцами немедленно гильотинировать на майдане. Патриоты (в те времена это значило то же, что и демократы) революционного Парижа инкриминировали Людовику XVI попытку учредить международный арбитраж внутренних дел и называли это *la traite des nations*.

Но даже если не касаться кровавых основополагающих образцов (хотя с другой стороны – почему не касаться? Лежащего в основе современной демократии учения о суверенном народе вроде бы никто не отменял), безусловное исключение высшей внешней инстанции из решения внутренних властных дел было общим принципом всех стран, имеющих цивилизованными (да и нецивилизованными тоже), в течение весьма длительного времени. Французы, возможно, в свое время сильно привнесли тут свою природную страсть к резне, но самый принцип утвердился и считался само собой разумеющимся. Попытки внешнего арбитража если и случались, то воспринимались как откровенная агрессия – иногда удачная, иногда наталкивавшаяся на действенный отпор, но триумфом демократии они не считались.

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ

Столь устоявшееся положение дел было причиной тому, что вопросы суверенитета ни в эмигрантской русской мысли (и внешней, и внутренней), ни в мысли перестроечно-демократической практически не рассматривались. Что психологически вполне понятно. Критики советского режима, а равно и его улучшатели могли относиться к нему как угодно, но абсолютный суверенитет СССР был для всех очевидным (многие даже считали, что его многовато), и вопрос, как охранить суверенитет той державы, что явится на месте коммунистического СССР, не представлялся особо актуальным – куда ж этот суверенитет денется? За исключением сторонников прямой иностранной оккупации (которые всегда были в ничтожном меньшинстве, да и как, собственно, оккупировать ядерную державу? после победы в ядерной войне?) никто этим вопросом не задавался.

Суверенитет был тем неотъемлемым достоянием, с которым при любом исходе ничего не случится

И. А. Ильин, очень много писавший о том, сколь уродлива будет послекоммунистическая полития, сколь она окажется продажной и в первую очередь – инвалютно-продажной в пользу инвалютных покупателей, был, пожалуй, единственным исключением, но его подозрительность практически не нашла отклика. Для прочих суверенитет был тем неотъемлемым достоянием, с которым при любом исходе ничего не случится. Тем более что всякая мысль об устранении коммунистического режима, воспринимавшегося как трагедия России и как противоестественное ее искажение, сознательно или бессознательно была реставраторской – вернуться к России, которую мы потеряли (см. сходный образ мысли в восточно-европейских странах-сателлитах, где мечтали вернуться в досоветизированный период). Но уж суверенитет той России всем представлялся очевидным, следовательно, Россия возрожденная и вновь обретенная тоже будет им обладать – как же иначе?

ИЗЪЯНЫ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Такой оптимизм хорошо сочетался с главенствовавшим тогда новым политическим мышлением, согласно которому человек добр, государства (по крайней мере, новейшие) тоже добры, а все изъяны от взаимных недоразумений, среди которых коммунизм – одно из довольно существенных. Если устранить недоразумения, тогда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся. Ибо что им, собственно, делить, когда раздражающей идеологии коммунизма больше нет. Не то чтобы здесь все неправда, но здесь не все правда – отчего и надежды сбылись совсем не полностью. Коммунистическая идеология никак не способствовала ни нормальной жизни в нашей стране, ни общему благорастворению воздухов в мировой атмосфере – это чистая правда. Однако коммунизм (как, по крайней мере, задним числом делается ясно) не был единственным источником конфликтов. Они могут порождаться, с одной стороны, русофобией. Никакой паранойи в этой констатации нет, поскольку одностороннее или взаимное неприятие наций и культур – дело в истории вполне обыденное. В некотором роде она из таких неприятий и состоит, и народы издавна умели ненавидеть друг друга без всякого марксизма-ленинизма. С устранением коммунистической идеологии из международных отношений выяснилось, что русские больше не виноваты в том, что они коммунисты, но зато виноваты в том, что они русские. С другой стороны, кроме идеологии и кроме русофобии бывают еще и конфликты, порожденные сугубо прагматическими соображениями. Бывает геополитика, т. е. ничего личного, ничего идейного, а только небольшое противоречие по земельному вопросу: кто кого в землю закопает.

Сохранение суверенитета есть результат динамического равновесия, нуждающегося в постоянном поддержании

Просто потому, что два равносильных суверена не могут уместиться в одной точке земного пространства, их обоих чем-то привлекающей. Взаимная помеха порождает конфликт. Так выяснилось, что представление о суверенитете как о недвижимом имуществе чересчур оптимистично. Оказалось, что сохранение суверенитета есть результат динамического равновесия, нуждающегося в постоянном поддержании, и лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой. Если же на бой не ходить, то по инерции суверенитет долго не держится и начинает постепенно рассасываться.

ЧУДО-ОРУЖИЕ

Или даже не постепенно. О технологии бархатных революций образца 2000—2005 гг. было наговорено много глупостей, было много спекуляций, заявок на освоение средств, просто откровенной паранойи, но при объективном взгляде нельзя не признать, что явилось новое и очень важное изобретение, могущее принципиально изменить характер межгосударственных конфликтов. Отвлечемся от того, кто на самом деле победил в Белграде, Тбилиси и Киеве, – пусть победили объявленные победителями Коштуница, Саакашвили и Ющенко и даже пусть победили с запредельным преимуществом, а революционные массы лишь срывали попытку незаконной фальсификации. Поскольку подлинных цифр мы никогда не узнаем (прошло довольно времени, чтобы их обнародовать, когда бы на то была охота), в любом случае это вопрос веры. Штука в том, что объявленный победителем может быть победителем и фактически (как это по допущению имело быть с Ющенко и Саакашвили), а может и не быть. На результат это не влияет, поскольку победитель все равно объявлен заранее, а если итоговые цифры не говорят о его победе, значит, цифры фальсифицированы и массы устанавливают справедливость. Реальные цифры не имеют значения. Имеет значение вера революционных масс и конфирмация этой веры международными наблюдателями, которые тоже все знают заранее. Но тогда ни из чего не следует, что при наличии столь железной схемы всегда можно удержаться от соблазна переменить в другой стране правительство, если оно суверена иной державы почему-либо не устраивает.

Ведь прежде ради такой цели, ради навязывания иной державе своей воли нередко велись кровопролитные войны. 24 июня 1812 г. Бонапарт перешел через Неман не ради территориальных прирезок за счет России и не ради контрибуций. 600-тысячная Великая армия шла в русский поход ради того, чтобы изменить политику России. Бонапарт более не мог терпеть того, что Александр I лукавит, и, вместо того чтобы ценой гибели русской торговли и русского рубля твердо осуществлять континентальную блокаду, он откровенно ее саботирует. Будь великий император знаком с Джорджем Соросом, Джином Шарпом, иными теоретиками и практиками оранжевых революций, не было бы ни Бородина, ни пылающей Москвы. Всего-то и надо было, что собрать майдан на Дворцовой площади С. – Петербурга, где в присутствии международных наблюдателей из Саксонии, Вестфалии, Голландии и Австрии революционные массы выкликнули бы правильного всероссийского императора, который будет строго соблюдать континентальную блокаду.

Подобно тому как атомная бомба, примененная на деле всего дважды, принципиально изменила военное дело (да ведь и прежде так бывало – артиллерия, автоматическое оружие, паровой флот меняли все способы ведения войны), так и оранжевое изобретение, создавая абсолютно новые возможности навязывания своей политической воли другой стране, столь же принципиально меняет способы ведения политики. Не обязательно завтра применять эту методу – как и в случае с бомбой достаточно уже самого наличия угрозы, чтобы поменялось все, и достаточно сильно. Подобно бомбе, оранжевую методику навязывания внешней воли невозможно изобрести обратно, и с этим теперь надо жить. Следственно – понимать, что новые способы отъема суверенитета на порядок (если не больше) эффективнее прежних.

СУВЕРЕНИТЕТ ВСЮДУ ЕСТЬ, ЕГО НИГДЕ НЕТ, И ОН НИКОМУ НЕ НУЖЕН

Когда это неприятное открытие стало делаться достоянием русских умов, встречаемая мысль (ведь с иллюзиями расставаться всегда не хочется, а уж каждый день куда-то идти на бой за какой-то суверенитет не хочется вдвойне) тут же выдвинула сразу несколько успокоительных соображений. Во-первых, суверенитету ничто не угрожает – посмотрите, сколько стран всячески кобелятся против единственной оставшейся сверхдержавы и при этом никто их особо не трогает. Во-вторых, в современном взаимозависимом мире понятие суверенитета вообще утратило свою актуальность – вместо национальных государств теперь сети и структуры. В-третьих, чего тужить о суверенитете, которого уже все равно нет и не будет, когда и без него совсем неплохо. Сколько есть государств, хоть в той же Европе, вполне себе счастливых, процветающих и при этом (хотя по инерции они все еще называются королевствами) давно уже *de facto* лишенных самостоятельной государственной воли и сделавшихся субъектами местного самоуправления. Гражданин одного из таких счастливых государств, голландский физик Г. – А. Лоренц еще в августе 1914-го сказал: «Я счастлив, что принадлежу к нации, слишком маленькой для того, чтобы делать такие большие глупости».

Призывы брать с Голландии пример и равняться на нее по сей день являются стандартным общим местом, тем более что в бывшем королевстве, а ныне субъекте местного самоуправления жизненный уровень и без всякой государственной воли замечательно высок, а в России он низок, и к тому же Россия со своей этой самой волей все время делает большие глупости. Пора бы и поумнеть, да и вообще

«Хорошо тому живется,
У кого одна нога.
И портка его не рвется,
И не нужно сапога».

УДОБСТВА ЭВТАНАЗИИ

В последнем рассуждении много жизненной правды. Действительно, на склоне своего исторического возраста народам бывает присуще желание впасть в тихое постисторическое засыпание. Жизнь в истории и реализация своей государственной воли – занятие совсем не такое сладостное и зачастую сопряженное с немалыми проблемами и неудобствами, тогда как эвтаназия своего исторического бытия избавляет от многих проблем. Бывают очень благоустроенные богадельни, и отчего же не попробовать – попытка не пытка – приписаться к одной из таких. В конце концов список исторических приключений России таков, что после столь сильного разнообразия однообразное засыпание может показаться вполне приятным. Все-таки суверенитет – это, возможно, и самостоянье, и залог величия, но это самостоянье регулярно требует крови, пота и слез, а историческая эвтаназия ничего такого не требует. А если это даже и не демократия суверенного народа, но всего лишь выборное местное самоуправление (дозволяемое при самых разных и не обязательно демократичных государственных устройствах) – так не в терминах счастье.

Суверенитет – это, возможно, и самостоянье, и залог величия, но это самостоянье регулярно требует крови, пота и слез, а историческая эвтаназия ничего такого не требует

В принципе оно бы и хорошо, и сладостно (по крайней мере, на первый взгляд, за более углубленный не поручимся), но беда в том, что и рады бы в рай (если это точно рай, а не что другое), да грехи не пускают.

В нашем случае грех России – это уже хотя бы ее величина. Впрочем, история с географией тоже вносят свою лепту. Россия в ее нынешнем виде никак не годится на роль десувениризованного субъекта местного самоуправления. Слишком много населения, слишком большая территория (десять часовых поясов – такого вообще нигде в мире нет), слишком протяженные границы и слишком проблемные соседи.

Историческая эвтаназия возможна только по частям, потому что целиком такой кусок никто заглотить не в состоянии. Не Европа с ее компактными владениями.

ТЕРМОЯДЕРНЫЙ АНЕКДОТ

В принципе возможен и вариант вхождения в прекрасный новый мир по частям, хотя в этой связи вспоминается недавний жизненный анекдот. Один видный реформатор начала 90-х встречался с прогрессивной общественностью, и ему был задан прямой вопрос: имеет ли он какие-нибудь возражения против разделения России на множество компактных демократических государств. Реформатор отвечал, что имеет, и в духе уже старинного анекдота о том, как было двенадцать причин, почему пушки не стреляли, причем первая заключалась в том, что не подвезли пороха, указал на первую причину: Россия есть ядерное государство, и при ее раздроблении неизбежно возникнут проблемы, допустим, между Псковским и Новгородским княжествами насчет того, как делить боеголовки. Данная перспектива представлялась ему столь нежелательной, что об остальных одиннадцати причинах он считал говорить излишним. На это последовало: «И это все, что вы можете сказать?»

Судя по этому анекдоту, покуда было принято считать деятелей начала 90-х исчадиями ада, явилось племя младое, незнакомое и при этом вполне чуждое былым предрассудкам и опасениям. Реформатор, отвечая племени младому, исходил из того, что его спрашивают, как будет распадаться суверенная (а какая же еще?) держава с ядерным потенциалом. Сопросник же явно презюмировал, что ядерный потенциал (существенная часть суверенитета, между прочим) будет надежно контролироваться некими международными силами (а как же может быть иначе?), и оттого был разочарован глупостью реформатора, не понимающего столь очевидных вещей.

НЕУДОБНЫЙ ЯЗЫК, НЕУДОБНАЯ КУЛЬТУРА

Штука, однако, в том, что в случае с Россией не поможет даже и такой для иных вполне очевидный ход, как одностороннее и полное ядерное разоружение. Допустим, что проблема с боеголовками снята этими самыми международными силами и под благодетельным контролем сил России нарезали на удельные княжества, вполне пригодные в качестве постепенно ассимилируемых субъектов местного самоуправления. Двадцать или тридцать Словакии и Молдавии. И тут ничего благодетельного не получится, потому что сработает эффект теста и топора. Легко раздроблять (естественно, когда время пришло) лоскутную империю из разноплеменных подданных. Менее понятно, как раздробить – и притом навсегда, ибо на время не имеет смысла – титульную нацию России, с тем чтобы евростандартные русские княжества не вздумали вновь воссоединиться. Аналогия с республиками СССР тут не имеет смысла. Наряду с общей советской идентичностью (вполне успешно размываемой временем) нерусские народы СССР имели идентичность свою, что и позволило распаду сделаться окончательно свершившимся фактом.

У русских дело принципиально иное, поскольку со времен М. В. Ломоносова, отмечавшего, что мекленбуржец баварца не понимает, тогда как помор астраханца понимает прекрасно, не изменилось ничего. Язык на десять часовых поясов до удивительности один и тот же, культура, национальные и исторические мифы – одни и те же. Между тем для того, чтобы законсервировать раздробление, необходимы достаточно существенные различия в идентичности, что-то на глубинном уровне должно расклинивать бывшие части единого народа – но этого чего-то не наблюдается. Новую дюжину разных русских языков и русских культур не изобретешь. Единственный способ предотвратить соединение разрубленного теста – жесткое и непрестанное внешнее насилие, как это было с Австрией, которой версальские победители специальным пунктом мирных трактатов запретили воссоединяться с Германией, или с послевоенным разделом Германии, кончившимся, однако, воссоединением.

В этом смысле эвтаназия русской истории, пожалуй что, не имеет перспектив, и призывы (пусть самые искренние и продиктованные лучшими чувствами) «Не теряйте, куме, силы, опускайтесь на дно!» нерезонны. Россия слишком едина и неделима и при этом слишком велика, чтобы решить раздражающую русскую проблему враз и навсегда – посредством полной десоверенизации через уютное раздробление. Другое дело, что можно проводить опыты (хоть и неудачные, но болезненные) в этом направлении, и от этих опытов у нас в очень сильной степени будет отсутствовать уют.

ВОПРОС ДОЗРЕЛ

Впрочем, сложные сценарные планы на тему того, как весьма умная нация-с покорила бы нацию-с весьма глупую и что бы из этого вышло, хотя и имеют познавательное и воспитательное значение, главным воспитателем политического класса более служит время. Переходный период от автоматической убежденности в том, что суверенитет – это навсегда и нечего об этом и думать, к пониманию того, что суверенитет – это то, что выстрадывают и отстаивают, был неизбежен. Как и вообще переход от девственности советских времен к нынешнему состоянию, когда шишек набито уже достаточно много, что дает известную умудренность.

Когда речь идет о неизбежном и необходимом процессе становления политического сознания (новая русская государственность возникает и становится на ноги, и как же без сознания?), объявление проблемы суверенитета надуманной или, хуже того, специально сочиненной правителем и его прислужниками для обустройства каких-то негодных дел представляется довольно плоским. Из того, что некоторый вопрос занимает правителя и его прислужников, следует только то, что этот вопрос их занимает, а на сущность вопроса – если он действительно важен – не слишком влияет. Иначе может получиться так, что завтра В. В. Путин с Д. А. Медведевым задумаются над глубинными вопросами жизни и смерти и на это немедленно последует возражение, что гроба тайны роковые – это все херня преестественная, которую придумали политехнологи.

Повороту в общественных умонастроениях способствовала гуманитарная бомбардировка Сербии, в ходе которой пришло осознание того, что нас не бомбят только потому, что у России есть гарантия суверенитета в виде ракет с ядерными боеголовками

Тем более что даже и хронология вопроса опровергает версию о сиюминутной придумке. Проблема суверенитета была вдруг очень остро и болезненно осознана весной 1999 г., когда о В. В. Путине очень мало кто знал. Осознанию – и очень сильному повороту в общественных умонастроениях – способствовала гуманитарная бомбардировка Сербии, в ходе которой вдруг пришло осознание того, что нас не бомбят не потому, что мы такие хорошие, и не потому, что прекрасный новый мир – это мир взаимоприятно сотрудничества, а только потому, что у России есть гарантия суверенитета в виде ракет с ядерными боеголовками, а у Сербии такой гарантии нет. То есть суверенитет – вещь важная и вовсе не надуманная. Так процесс и пошел, а В. В. Путин и прочие к нему лишь подключились.

Одновременно шло осознание другой истины – суверенитет применительно к государству и нации есть то же самое, что свобода применительно к индивиду. Если вовсе не признавать надличностных сущностей, аналогия, конечно, не имеет смысла, но поскольку большинство людей таковые сущности признает, а равно и свободу ценит, то осознание тех преимуществ, которые свободное состояние имеет перед зависимым, пошло довольно быстро. Безусловно, имел место и противоположный процесс, поскольку и у зависимого состояния есть свои выгоды. Коммендация, т. е. отчуждение своих свобод в пользу сильного в обмен на покровительство (или на обещание такового), неоднократно имела место в мировой истории, и значение коммендации в истории нынешнего антитоталитарного движения в России довольно велико.

Однако при сопоставлении этих двух тенденций представляется, что готовность стоять в свободе, т. е. в суверенитете, обретает больше приверженцев. Бог даст, так будет и дальше.

М. Рогожников

ЧТО ТАКОЕ «СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Далеко не всякий суверенитет гарантирует развитие страны и ее граждан. И совсем не каждая демократия означает, что управление страны осуществляется исходя из национальных интересов.

Активно дискутируемый последние полгода термин «суверенная демократия» обозначает в первую очередь не что иное, как статус Российской Федерации. Его никоим образом нельзя считать названием новой идеологии. При этом он, однако, обозначает ту политическую константу, ту область консолидации, к которой пришло российское общество в результате «переворстки» политической системы последнего 15-летия.

Отличие «суверенной демократии» от множества иных определений особенностей демократического строя – либеральная демократия, социалистическая демократия, охранительная, прямая, плебисцитарная и многие другие демократии – состоит в том, что этот термин в меньшей степени касается внутренних особенностей политического режима. Он характеризует политическую систему в целом как с внутренней, так и с внешней точек зрения.

В отношении внутреннего суверенитета суверенную демократию трудно, наверное, трактовать лучше, чем сказанными четыре столетия назад словами Фрэнсиса Бэкона об английском законодательстве: «Суверенитет и свободы парламента – суть два основных элемента этого государства, которые... не перечеркивают и не уничтожают, а усиливают и поддерживают друг друга». А в федеративной России, ищущей баланс прав «субъектов» и федерации, «суверенная демократия» подчеркивает значение демократического начала именно в общегосударственном смысле.

Но не менее, если не более, в трактовке «суверенной демократии» важен аспект «внешнего суверенитета». Мы как-то привыкли рассматривать политическую систему как замкнутую. И при таком подходе, конечно, нюансы ее устройства приобретают чрезмерное значение принципиальных вопросов. Речь не о том, что от вникания в эти нюансы надо вообще отказаться, но о том, что принципиальные вопросы – не эти.

Политико-философский смысл термина «суверенная демократия» основан на современном понимании «нации» как «демократии» (которое отмечает американский историк Джон Лукач). Обратите внимание: раньше, имея в виду страны Европы, говорили о «европейских нациях», теперь же много чаще говорят о «европейских демократиях». Нация – политический этнос, демократия – объединенный идеалами и государственностью народ, в том числе (и в последние десятилетия – как правило) многонациональный.

Надо только оговориться, что «демократия», безусловно, не целиком заменила собой многозначное понятие «нация», а лишь одно из его значений – так называемое «государство-нацию».

Так что, когда мы говорим о суверенной демократии, мы имеем в виду Россию как суверенную демократическую нацию. То есть мы живем не «при», а «в» суверенной демократии. Этот термин тем не менее косвенно определяет и внутренний характер демократии как способа политического устройства общества. Каким образом – станет ясно после того, как будут уточнены смысл и актуальность определения «суверенная».

Современное понимание суверенитета демократического государства означает, что государственная власть, основанная на суверенной воле народа, независима от кого бы то ни было во внутренних делах и в международных отношениях. Суверенитет отнюдь не столь сама собой разумеющаяся вещь, как может показаться. Непосредственно основанное на

идеях Вудро Вильсона и провозглашенное затем в учредительных документах ООН равноправие и самоопределение народов (суверенное равенство) на практике ни до, ни после возникновения новейшей системы международного права не обеспечивало одинакового уровня суверенитета всем странам.

Современное понимание суверенитета демократического государства означает, что государственная власть, основанная на суверенной воле народа, независима от кого бы то ни было во внутренних делах и в международных отношениях

Так, до 1918 года полностью суверенными были «державы»: АвстроВенгрия, Великобритания, Германия, Россия, Франция, Италия, Соединенные Штаты и Япония. А как отмечал позднее Николай Васильевич Устрялов: «Для подавляющего большинства „суверенных“ государств это право становится все более и более абстрактным, поскольку реально каждое государство все в большей степени зависит от условий международной жизни. А вслед за внешним суверенитетом под угрозой оказывается и внутренний».

Сейчас полностью суверенными можно считать США, Китай, Россию, Великобританию (занимающую особую позицию по ряду вопросов в ЕС) и Индию. Наибольшим испытаниям по разным причинам подвергаются суверенитеты Великобритании и России. Нашей стране удалось удержать развалившийся суверенитет СССР, но борьба за него не только не завершена, но скорее разгорается.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1991 года и «Беловежские соглашения» о создании Содружества Независимых Государств только начали процесс установления Российской Федерацией суверенитета (верховенства политической власти и законов РФ) на всей ее территории и в международных отношениях. Этот процесс далеко не закончен до сих пор. Он осложняется внешними факторами и противоречив внутренне.

Начать с того, что постановка всерьез вопроса о статусе России как «суверенной демократии» десять с небольшим лет назад вызвала бы и у Запада, и у многих в России искреннее недоумение. То, что «центр управления» находится за пределами страны, было фактом и считалось нормой.

То есть на формальную независимость никто не покушался, да и кому она была нужна? Но общеочевидным казалось, что экономическая политика страны подконтрольна МВФ, который управлял российскими финансами, и Всемирному банку, управлявшему приватизацией и отраслевой политикой.

Столь же очевидным было, что политический режим устойчив в той степени, в которой он устраивает группу ведущих стран, прежде всего США. Мало у кого вызывало протест то, что там выставляются оценки степени «демократизации». Общим был курс на интеграцию в некое «мировое сообщество» на условиях этого сообщества.

У нас на глазах за последние пять лет эта картина изменилась до неузнаваемости. В экономике это лучше всего заметно по динамике внешнего долга и в целом по характеру взаимодействия с международными институтами. Что касается политического суверенитета России, то здесь изменения четче всего фиксируются не по внешней, а по внутренней политике. Не претерпев никаких изменений за семь с половиной лет (с конца 1993-го по середину 2000 года), за пять последующих политическая система России трансформировалась почти полностью. Неизменным по сути остался только институт президентства, но и тот основан на новом законе. При прежнем характере отношений с «мировым сообществом» такая динамика была бы невозможна.

Растущий суверенитет создает новые вызовы. Место России в мировом порядке никому не понятно, разброс вариантов огромен. Во внутренней политике оппозиция получила зарубежную поддержку, чего нельзя было себе представить в предыдущее десятилетие.

Никто пока не собирается оставить в покое Юг России, который является источником событий, время от времени потрясающих до основания всю страну.

В экономике на роль МВФ и ВБ претендуют международные корпорации, для которых Россия становится все более привлекательным объектом по ряду причин, среди которых и политическая стабильность, и феноменальная конъюнктура сырьевых рынков, и слабость национальной финансовой системы.

Большинство перечисленных вызовов – пока еще проба сил, но это до поры до времени.

Растущий суверенитет создает новые вызовы. Место России в мировом порядке никому не понятно, разброс вариантов огромен

Еще серьезнее, однако, то, что постановка вопроса о России как о суверенной демократии нова не только для «мирового сообщества», но и для нашей собственной элиты.

В политическом дискурсе это выражается, с одной стороны, в полном отказе традиционных демократических групп (ультралибералов) обсуждать сам вопрос о способности нашей страны сказать свое слово как во внутренней, так и в мировой политике. А с другой стороны, с этими группами парадоксальным образом смыкаются традиционалисты более старой закваски (ультраконсерваторы), сваливающиеся в апологетику характерной якобы для России военно-полицейской модели.

И те и другие, однако, одинаково сильно любят иностранные деньги. И обладают одинаковой склонностью к монопольной концентрации власти и собственности.

При этом ультралибералы являются прямыми противниками суверенной демократии, стремясь вернуть «центр управления» за пределы страны. Риторика ультраконсерваторов противоположная – закрытость от внешнего мира, государственная монополия на политический и экономический процесс. Однако, поскольку и то и другое приводит к краху, победа точки зрения ультраконсерваторов дала бы результат, совпадающий с намерениями ультралибералов, что уже и произошло 15 лет назад.

В либерально-консервативной части политического поля должны сосредотачиваться национальная буржуазия, военные, средний класс и их духовные и политические представители. Сейчас эти группы, весьма обширные и потенциально очень влиятельные, в очень небольшой степени сознают свои общенациональные интересы, и прежде всего то, что проект России как «суверенной демократии» – это их проект.

В. Сурков

СУВЕРЕНИТЕТ – ЭТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ КОНКУРЕНТО– СПОСОБНОСТИ

Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента РФ перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия»

Развитие европейской цивилизации, частью которой является цивилизация российская, показывает, что люди на протяжении всех наблюдаемых эпох стремились прежде всего к материальному благополучию, а кроме того, пытались добиться такого устройства собственной жизни, в котором они могли бы быть свободными и чтобы мир по отношению к ним был справедлив. Именно материальный успех, свобода и справедливость составляют основные ценности, которые мы с вами разделяем.

Не буду удаляться в историю Европы, хотя каждый из вас представляет, что именно так и развивалось общество в Европе, так развивались все народы. Постепенно все большее количество людей получало доступ к знаниям, развивались массовые коммуникации, системы транспорта и связи. Все большее количество людей начинало участвовать в принятии решений, вершиной чего стало появление массовых демократий, не очень давно, 100 лет назад. Напомню, что всеобщее избирательное право, всеобщее право участвовать в политической жизни – это изобретение недавнее.

Но мы все вроде бы согласны, что изобретение это прогрессивное и в таких обществах жить и выгоднее, и интереснее. Естественно, человек, у которого есть знания, человек, который может участвовать в той или иной степени (кто-то больше, кто-то меньше) в принятии решений по демократическим процедурам, у такого человека и больше свободы выбора, и больше чувство собственного достоинства. В связи с этим и социальная технология, и технология власти, и технология самоорганизации общества становятся все более сложными, все более, если угодно, мягкими и изощренными. От принуждения общество постепенно переходит к технологиям убеждения, от подавления – к сотрудничеству, от иерархии к сетям горизонтальных связей.

Демократия в России – это всерьез и надолго, и общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов

Хочу сразу предварить вопрос: при чем здесь, собственно, мы? А между тем вещи, о которых я говорю, абсолютно прикладные. Просто демократия в России – это всерьез и надолго, и общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов, и все большее значение в нашей политической работе придется уделять методам убеждения и разъяснения. Как ни парадоксально, демократическое общество, по моему мнению, сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею. Поскольку там, где сила силы убывает, там возрастает сила слова.

Для начала хорошо было бы объяснить по поводу того, что с нами со всеми случилось при нашей жизни. Все мы застали Советский Союз, все мы застали сложную эпоху 90-х, все мы живем сегодня и собираемся жить завтра. У нас не выработано консенсуса в обществе по оценке недавних событий. Следовательно, не выработан подход к нашему будущему. Я предлагаю начать с себя и попытаться сделать так, чтобы основные оценки стали для нас общими и чтобы мы могли смело ими оперировать.

Никакого секрета не открою, если скажу, еще раз повторившись, что Россия – это европейская страна. И какой бы особенной мы ее с вами ни считали, и какой бы странной ее ни считали те, кто смотрит на нее со стороны, все-таки, как и Президент указывал в своих выступлениях, мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны.

И абсолютизм в России достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции. Ничем мы здесь не хуже и не лучше других.

Скажем так, торговлю людьми Россия отменила и запретила даже раньше, чем это сделали Соединенные Штаты Америки.

Парламентаризм у нас тоже не намного младше, чем в других странах. Что касается того, что у нас в XX веке родилось довольно странное тоталитарное государство, то и здесь следует помнить, что мы не были одиноки, что в той же Европе существовала нацистская Германия, фашистская Италия, франкистская Испания... Мы в этом смысле не уникальны, и мы не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других.

Бердяев, наш выдающийся мыслитель, еще в начале прошлого века говорил: «Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Справедливость требует свободы для всех людей». Это русская мысль, она нами не заимствована ни у Маркса, ни у Гегеля, это наша. И в связи с этим, наверное, было бы важно понять, что представлял собой СССР. Мы, безусловно, должны с уважением относиться к тому, что сделали наши предки. Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все – наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами.

Я бы сказал, что у Советского Союза было два крупнейших достижения: с одной стороны, мощная идеологическая работа, которая была развернута в планетарном масштабе, и Советский Союз тоже оперировал понятием свободы и справедливости. Хотя нам самим не очень поздоровилось от всей этой работы, но на весь мир эта мощная поддержка, как военная, материальная, так и просто моральная, оказала огромное влияние, о котором мы сегодня забываем. Мы забываем, как Советский Союз был популярен среди западных интеллектуалов самого демократического толка.

Советский Союз благодаря своим мощным идеологическим усилиям стимулировал освобождение колоний, ускорил гармонизацию социальных отношений в самих странах Запада и этим самым оказал благотворное влияние на мировой ход истории.

С другой стороны – индустриализация. Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами. Наши железные дороги, наши трубопроводы, наше жилищно-коммунальное хозяйство, наши заводы, наши ядерные силы – это все наследство Советского Союза.

При всем этом общество, которое у нас получилось тогда, вряд ли можно назвать свободным или справедливым. Мы, наверное, не должны тут долго разговаривать. Я думаю, все с этим согласится.

Большая проблема была также в том, что такое замкнутое общество, в котором результаты оценивались скорее с партийнодогматической точки зрения, а не с прагматической, воспроизводило неэффективную элиту. В общем-то ничего удивительного нет в том, что в один из самых драматических моментов развития Советского Союза на вершине власти оказались личности недостаточно высокого уровня. Может быть, в то время, когда нужны были люди масштаба Петра Великого, пришла к власти малообразованная и мало отдающая себе отчет в своих действиях группа товарищей. Это была «мина», заложенная в самой системе: она не могла воспроизводить другую элиту.

Это общество было не только несправедливым и несвободным. Оно и не решило материальные вопросы, оно явно отстало по удовлетворению потребностей людей в новом качестве жизни от тех же западных стран.

Ну и кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ? Вполне естественно, что она распалась.

Отказ от такого общества был неизбежен. Не надо считать крушение Советского Союза итогом интриг ЦРУ или заговором партийной верхушки. Это такое бегство от реальности. Был объективный процесс, который, как известно, пошел. Надо сказать, что российский народ сам выбрал такую судьбу – он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел. И он попытался вернуться к демократическим ценностям, которые, замечу, были подробно прописаны в советской конституции.

В этом смысле Советский Союз был, безусловно, модернизационным крупнейшим проектом. Он уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее декларировал и формулировал в словах. И рано или поздно эти слова должны были быть востребованы. Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики – это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь.

Советский Союз уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее декларировал и формулировал в словах. И рано или поздно эти слова должны были быть востребованы

Думаю, этот путь не мог быть простым, прежде всего потому, что, конечно, страна была в массе своей не готова и не могла быть готова к жизни в условиях современной демократии. Прочитую Ивана Ильина, который еще в 40-х годах предвидел крушение советской власти и пытался описать то, что произойдет после этого. Он писал так: «Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса».

Кризис был неизбежным, потому что ведущий слой в общем-то исчез. Естественно, остатки старой номенклатуры в рыночных условиях очень быстро сдружились с шустрými самодельными коммерческими коллективами. Государственная власть везде отступала, это было бессистемное бегство от ответственности. Даже провозглашалось, что государство есть зло. Сейчас мы просто это забываем, но на полном серьезе декларировалось, что чем меньше государства, тем лучше. А сведи его к нулю, так вообще станет все хорошо. Естественно, этот вакуум заполнялся, естественно, что именно такие самодельные и амбициозные коммерческие руководители подменили собой в ряде случаев власть. Ни для кого не секрет, что целые министерства, регионы, партии находились под контролем отдельных финансовых групп, причем под самым прямым и буквальным контролем. Может быть, ничего плохого в этом и не было бы, если бы это не было абсолютной подменой понятий. То есть вместо того, чтобы двигаться к демократии, мы получили то, что справедливо названо олигархией.

В чем, собственно, проблема олигархии? Прежде всего она нелегитимна по определению, потому что Конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег. Там такого не написано.

Олигархия нелегитимна по определению, потому что Конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны

какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег

Во-вторых, проблема еще и в том, что это ведь действительно власть не многих. Это даже не тысячи людей. Это единицы людей. Их всех можно по пальцам пересчитать. Они не представляли не только большинства, которое, безусловно, теряло от реформ и переживало их очень болезненно, но они и не представляли, хотя это странно звучит, даже обогащающееся меньшинство. Даже бизнесмены, даже те, кто стал успешно делать карьеру в то время, они не давали им доверенности на то, чтобы они представляли хотя бы их интересы. Такого ведь не было. Они скорее дискредитировали деловое сообщество своими непомерными амбициями.

В результате все основные идеи демократии были искажены. Вместо общественной дискуссии мы получили сплошные придворные интриги. Мы получили манипуляцию вместо представительства. Мы помним выборы 1996 года, может быть, кто-то из присутствующих в ходе них уже и работал, как между турами вдруг в некоторых регионах сказочным образом поменялись предпочтения, причем самым радикальным образом.

Комментировать то, как это произошло, мы с вами не будем: понимаем, как. Более того, это публично оправдывалось. Вот что пишет корреспондент Washington Post в 1997 году: один из известных российских либералов «сказал мне, что любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданны. Если прожили 75 лет при коммунизме, как далеко вы пойдете, чтобы не допустить его возвращения? – спросил он». Нельзя не повторить: «любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданы». Говорится публично представителям иностранной прессы. Куда делся закон и что было поставлено во главу угла, на чем основывалось это общество? И вот эти люди нас сегодня учат демократии и рассказывают нам о том, что она куда-то там сворачивается. Если тогда была демократия, тогда я не знаю, что такое демократия.

Коррупция заменила собой конкуренцию. Здесь еще раз процитирую. И тоже западный источник того времени Маршалл Голдман: «Значительными инвестиционными средствами обладали мафиозные группы, нечестные директора предприятий и магазинов, правительственная и управленческая элита, которые могли заранее присвоить себе то, что раньше составляло государственную и партийную собственность...». Это тоже к слову о том, была ли там конкуренция, были ли там реальные рыночные отношения или это все-таки был скорее выбор, густо замешанный на коррупционных подходах.

Свобода слова тоже имела особый смысл: ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп и большей частью использовались для вышибания новых объектов госсобственности и участия в разделе таковых.

Глубина экономического падения вам известна: у нас фактически наполовину рухнул валовой продукт.

Чтобы подчеркнуть драматизм той ситуации, могу сказать, что в прошлом году мы вроде бы вышли на уровень 60% зарплаты учителя по отношению к уровню 1989 года. Можно представить, куда мы откатились, если до сих пор наш учитель получает меньше, чем при советской власти.

Приватизация, в целом явление благотворное, в ряде случаев делалась по странным схемам, и, конечно, очень трудно и практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы.

Ясно, как кто-то справедливо заметил, это было назначение группы товарищей миллиардерами, то есть вас вызывали и говорили: «Ты назначаешься миллиардером».

В федеративных отношениях царил хаос. Например, конституцией Республики Тыва закреплялось право этой республики выйти из состава Российской Федерации. Некоторые субъекты определяли себя как суверенные государства, ассоциированные с Российской

Федерацией. Так было в очень многих случаях. Об экзотических экономических местных законах, странных экономических моделях на местах тоже много смешного можно рассказать. Нигде федеральный закон не считался выше, чем региональный. Апофеоз центробежных настроений – мятеж в Чеченской Республике, поднятый шайкой уголовников, который привел к большим страданиям самого чеченского народа прежде всего и позорной хасавюртовской капитуляции. Согласно хасавюртовскому соглашению определение статуса Чеченской Республики откладывалось на несколько лет.

То есть на вопрос о том, входит ли Чеченская Республика в состав России, вы не могли дать утвердительный ответ. Что это, как не нарушение территориальной целостности России?

Внешние заимствования, оправдать масштаб которых очень трудно даже сейчас. И даже издав далеко уже анализируя, почему так много занимали, и зачем занимали, и зачем были нужны краткосрочные и столь дорогие заимствования, непонятно. Но зато приходилось ежегодно утверждать наш федеральный бюджет в МВФ. Фактически страна была на грани потери государственного суверенитета.

Дилемма была простая – либо олигархия, обрушиваясь, утащит за собой весь народ и всю Россию, и мы утонем все вместе, либо она все-таки пройдет как болезнь роста и отслоится, и страна пойдет нормальной дорогой

Если то, что я описал, есть демократия и если это есть свободное и справедливое общество, то что же такое тогда Содом и что в таком случае Гоморра? Никакой свободы, конечно, не было и в помине. Сейчас многие говорят, что тогда была свобода. Ну разве был свободен нищий человек? Вообще что такое свобода? Помимо того, что это идея, это то, чем вообще-то надо бы пользоваться. Разве может обнищавший забитый человек пользоваться своей свободой? Только в каком-то разве что разбойничьем смысле. Что касается богатых людей, многие из вас тогда занимались бизнесом, помнят, что количество заказных убийств, количество заказных уголовных дел создавало у любого предпринимателя ощущение зыбкости и непрочности всего, что он делает для себя и для своей семьи. Разве это свобода? Это, может быть, воля, опять же разбойничья – «пан или пропал» и так далее. Но свободой в нормальном, цивилизованном смысле слова считаться такое свинство, конечно, не могло. И такой режим не был жизнеспособным, он был обречен. Но дилемма была простая – либо олигархия, обрушиваясь, утащит за собой весь народ и всю Россию, и мы утонем все вместе, либо она все-таки пройдет как болезнь роста и отслоится, и страна пойдет нормальной дорогой. Могло показаться, что Россия уже кончается, что то, что мы видим, – это просто затянувшаяся агония советской системы.

В общем, стоял вопрос – быть или не быть. Россия, как всегда свойственно российскому народу, ответила: «Быть!». И ответила в том числе путем выборов – Президентом был избран Владимир Владимирович Путин, и, собственно, он должен был заниматься нормализацией ситуации в стране.

Очень важно подчеркнуть, что 90-е годы (при том, что это был действительно олигархический режим) ни в коей мере мы не должны считать потерянными для России, временем сплошных безобразий. Мы не должны забывать, что в 90-е годы были начаты громадные реформы и масса позитивного, и прежде всего, пусть даже в таких извращенных, я бы сказал, условиях, сложных условиях, но осваивались новые социальные практики, люди привыкали к выборам, люди учились работать в рыночной экономике.

И одно из самых важных достижений 90-х, мне кажется, то, что в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему актив-

ные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации.

В такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации

Что касается первых шагов Президента Путина, то мы помним, что было объявлено о диктатуре закона. Мы помним, что была объявлена политика стабилизации. Я бы все это вместе назвал политикой демократизации. Хочу это подчеркнуть, потому что, когда вам внушают, что кто-то сворачивает демократию, это абсолютное извращение и подмена понятий. Я только что описал то, что мы получили. Все что угодно, но не демократию. Президент возвращает реальный смысл слова «демократия» всем демократическим институтам.

Начнем с того, что его политика пользуется поддержкой большинства населения. Как известно, главный принцип демократического общества – оно устроено и основывается на мнении большинства. Нельзя было этого сказать о режиме 90-х годов.

Что касается дальнейших его шагов, они все описываются очень простым подходом: выполняйте то, что здесь написано, вот Конституция, там написано «это», выполняйте «это».

Мне кажется, ничего более демократичного, чем такое требование, придумать нельзя, потому что просто было предложено всем исполнять Закон, а не извращать его смысл. Это есть основа демократического общества. Оно должно быть правовым и должно основываться на законе.

Были приняты законы об ответственности глав регионов. Тоже было подано как некая попытка найти управу и так далее. Хорошо, а почему глава руководящего органа не должен отвечать, если он совершает противоправные действия и нарушает права граждан? Почему он должен занимать эту должность, если он грубо нарушает те или иные законы? Тоже, на мой взгляд, абсолютно нормальное решение в рамках действующей Конституции.

Было предписано всем привести уставы в порядок, чтобы таких статей, которые я процитировал, в местных конституциях и уставах не наблюдалось. Было еще раз повторено, что федеральный закон выше регионального.

Но чтобы доказать это и убедить людей в очевидном, понадобилось несколько лет.

Олигархи. Хотел бы напомнить, что олигархи – не просто крупные бизнесмены. Не любой крупный бизнесмен является олигархом, как сейчас почему-то стали думать. Олигархи возникают там и тогда, где и когда крупный бизнес пытается подменить собой государство. Было предложено равноудалиться, не болтаться по Кремлю, не шататься по министерствам и не решать вопросы, не входящие в компетенцию. А так, в целом, ходить вместе и ставить общие вопросы для общего развития рыночных отношений. Было предложено платить налоги. Все мы знаем об освобожденных от налогов фирмах, где работали 50 инвалидов и через которые проходила вся выручка крупнейших нефтяных компаний. Было указано на недопустимость. Это что? Какое-то подавление бизнеса? Всем известен другой скандал с крупной нефтяной фирмой. Оказывается, они добывали на просторах Сибири не нефть, а скважинную жидкость, которая чудесным образом становилась нефтью, доходя до НПЗ. В чем здесь проблема? Кто здесь прав, а кто виноват? Подобный элементарный вопрос в любой стране мира был бы решен беспощадным, жестким образом, потому что, добывая нефть, не надо всем рассказывать, что ты добываешь скважинную жидкость. А надо говорить: «Я добываю нефть», – и честно платить налоги. Потому что в нашей стране живут еще 140 миллионов человек, у которых нет нефтяной скважины во дворе и которым тоже надо деньги зарабатывать. Социальная справедливость требует не очередного передела собственности (зачем к одной несправедливости прибавлять другую?), а честной уплаты налогов.

Судьба средств массовой информации обильно оплакана мировым сообществом. Напоминаю, Первый канал всегда, и в 90-е годы тоже, был каналом, в котором был контрольный пакет государства. Те, кто влиял на его политику откуда-то со стороны, делали это незаконным образом. Как был этот канал государственным, так он им и остался. Он никогда не был ни общественным, ни частным. В чем здесь проблема, тоже непонятно. Еще один известный частный канал набрал у государственных компаний кредитов больше, чем его собственная капитализация, и возвращать их не собирался. Ему сказали: «Либо верни кредит, либо поступай в распоряжение кредитора...». Нормальная рыночная практика, абсолютно понятная, та, которую невозможно оспорить. Что в этом решении политического? Политическим решением было бы, напротив, оставить канал в той ситуации, в которой он, называя себя рыночной структурой, вел бы себя нерыночным образом. Не возвращать долги – это противоречит законам. Если ты их не вернул, поступай в распоряжение кредитора. Если кредитором оказалась государственная структура, ну что ж... У государства он кредитовался, потому что никакой частный банк не дал бы этой фирме кредитов больше, чем размер ее собственной капитализации. Только государство в минуты своего олигархического безумия могло это сделать. Вот и все! В чем здесь проблема? Где здесь свобода слова? И где здесь несправедливость?

Зарплаты и пенсии стали платить вовремя. Оказалось тоже, что это не очень сложно сделать. Но почему-то до Путина этого никто не делал. Это тоже было выполнение закона, потому что только у нас в 90-е годы можно было себе представить, что человек заработал деньги, но их не получил. Как это так? Я работал на заводе на окладе. Представляю, подхожу к окошку, а мне говорят: «Знаете, нет сегодня денег». Я бы умер через две недели. Вообще как это может поместиться у кого-то в голове? Тем не менее было.

И восстанавливая здесь порядок, мы тоже привели ситуацию в соответствие с действующим законодательством, которое не велит не платить денег людям, а велит как раз платить то, что человек заработал. И это, кстати, тоже гарантировано Конституцией.

Был проведен референдум в Чеченской Республике и восстановлена территориальная целостность Российской Федерации, восстановлен фактически суверенитет русского народа на всей территории Российской Федерации

Была приостановлена практика активных и бессмысленных внешних заимствований, и, как выяснилось, ничего страшного с нами не случилось.

Очень важный момент: был проведен референдум в Чеченской Республике и восстановлена территориальная целостность Российской Федерации, и минимизирована активность тех негодяев, которые истребляли чеченский народ и нападали на другие регионы страны. Был восстановлен фактически суверенитет русского народа на всей территории Российской Федерации. На всей ее территории стали действовать ее законы.

Мне кажется, все эти действия исключительно демократичны, потому что направлены именно на то, чтобы работали законы демократического государства.

Цифры, которые говорят о достижениях, называть не буду: они опубликованы, напоминаю, в выступлениях Президента и руководства партии. Скажу только, что с 1999-го по 2004 год реальные доходы граждан возросли на 76%. Это много. Но чтобы никто не зазнавался, скажу также, что они, по оценкам экспертов, составляют 88% от уровня доходов граждан в 1991 году. Сделано очень много, но далеко не все. Мы даже, повторюсь, не вернулись на уровень благосостояния, который был в последние годы советской власти.

О том, что было, мы поговорили вдоволь. Конечно, интересно и важно, что будет. Политика Президента Путина очень ясна. Она изложена и в его посланиях, и в его выступлениях на самые разные темы. Как же может развиваться Россия, какой она должна быть страной

в будущем? Прежде всего она должна быть страной процветающей, где люди благополучно живут. Ясно, что просто это декларировать может каждый. Вопрос – как это сделать и что для этого нужно? Думаю, что два стратегических условия должны обеспечить долгосрочное устойчивое развитие – демократия и суверенитет. Необходимость демократии очевидна, ведь только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным. Потому что если в обществе снижен уровень соревновательности, если оно не воспроизводит все время эффективный лидирующий класс, то у такого общества не получится ничего.

Кроме того, немаловажный прагматический момент: если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем широко интегрироваться в мировую экономику, в мировую систему знаний, то мы не получим доступа к современным технологиям Запада, без которых, как мне представляется, модернизация России невозможна.

Наконец, мне кажется, в демократическом обществе жить все-таки комфортнее. Может быть, я субъективно рассуждаю. Но мне кажется, оно более приятно для жизни.

Что касается суверенитета: почему мы, собственно, должны все время о нем помнить и его беречь? Есть такое явление – глобализация. Сейчас говорят, что национальное государство устарело, оно слишком большое, чтобы решать маленькие задачи, и слишком маленькое, чтобы решать большие задачи. Есть такое модное рассуждение. Действительно, в процессы глобализации – обмен технологиями, товарами, всеобщий открытый рынок – вовлечены волей или неволей в той или иной степени все народы мира. Но не надо при этом думать, что это такой новый коммунизм. Выгоды от глобализации распределяются неравномерно. Не хочу сказать, что они распределяются несправедливо, хотя многие думают так, но они неравномерно распределяются.

В подтверждение своих слов процитирую великого русского поэта. Он, оказывается, тоже размышлял на эту тему. Иосиф Бродский, работа «Взгляд с карусели», 1990 год: «Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической. Отсутствие международного антитрестовского законодательства обеспечивает перспективу абсолютно ничем не ограниченного соперничества, где все средства хороши и где смысл победы – доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер, но...» дальше важно: «... но торжество всегда будет национальным, то есть по месту прописки победителя. Финансовое могущество принимает обычно разнообразные формы экспансии – экономической, политической, культурной. Купить проще, чем убить. Национальный долг, как форма оккупации, надежнее воинского гарнизона. Представляется вполне вероятным, что страны Восточной Европы, высвободившись из-под коммунистического господства, окажутся в положении стран-должников»... то есть стран, оккупированных на новый лад. Это говорит поэт Иосиф Бродский, отнюдь не сторонник теории заговора. Думаю, он прав. При всех радостях глобализации, как говорится, дружба дружбой, а дивиденды американцы считают там у себя, англичане – у себя, канадцы – у себя, ну а мы, грешные, – у себя, а большинство считает убытки... Поэтому когда нам говорят, что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас.

Когда нам говорят, что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас

Быть самостоятельной нацией для начала просто выгодно. Если мы не будем управлять собой сами, а передоверим это все, так сказать, транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям, которые спят и видят, как бы нас похитрее благотворить и подороже облагодетельствовать, делать им больше нечего... Мне

кажется, что в такой ситуации нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы. Один известный политолог удачно сказал, что из нас хотели бы сделать службу безопасности по охране их трубопровода, проходящего по нашей территории. Думаю, в целом это так. Это не значит, что они враги. Нет, они конкуренты. Вот тут, я вижу, бизнесмены есть, они знают, что это такое. Ничего личного. Просто разденут до последних ботинок, политкорректно, при всем уважении. Это нормально. Мы должны к этому спокойно относиться и не обижаться ни на кого. Надо просто самим быть конкурентоспособными.

Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе, это политический синоним конкурентоспособности

Суверенитет – это не крепость Россия, как трактуют некоторые наши критики, это не то, что мы с вами взяли и закрыли свои избушки, с утра до вечера пьем водку, дверь на засове держим и знать не знаем соседей, нет! Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности.

Россия, без сомнения, должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка. Здесь причина тоже проста. Есть целое направление либеральной мысли, которое предлагает России уйти из глобальной политики. «Давайте сядем в свой дом и будем его обустраивать», – говорят нам многие. Мы не против обустройства дома. Но, во-первых, дом так расположился, между трех океанов, что если даже мы захотим в нем тихо сидеть, к нам все равно придут и спать нам не дадут.

Во-вторых, мне кажется, если Россия уйдет из глобальной политики, перестанет влиять на мировые решения, то скорее всего эти решения будут приниматься ей в ущерб. Это почти очевидно. Что думать о том, кто не может тебе возразить? Его интересы в последнюю очередь, и опять же не потому, что люди плохи или хороши, люди просто таковы. И ничего с этим не сделаешь.

Есть и самая романтическая из важных причин сохранения национального суверенитета: русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом, мы нация, привыкшая к государственности. И в отличие от наших многих друзей по Советскому Союзу и многих других стран мы всегда были носителями государственной идеи. Ясно, что некоторые страны, которые объявляют своей национальной идеей вступление в Евросоюз, очень счастливые страны: им много думать не надо. У них все очень просто. Москали плохие, они во всем виноваты, мы сейчас побежим в Брюссель, и там все будет хорошо. Надо помнить, что все эти нации ни одного дня в своей истории не были суверенными, они не имеют навыка государственного существования. Поэтому вполне понятно, что, когда в Москве не сложилось или сложилось не так, как хотелось, они сразу же, не задумываясь, бегут к другому хозяину. Это нормально. Были провинцией одной страны, станут провинцией другой. Я не представляю себе русских, россиян, которые думают так же: «Сейчас мы в ком-то растворимся, к кому-то убежим, и там уж нас облакают, обогреют и будут нами руководить». И винить нам некого, кроме самих себя, в том, что с нами случилось. И бежать нам некуда, кроме как к себе домой. Вот еще одна, и для меня вообще важнейшая, причина того, что Россия должна быть самостоятельным государством, которое влияет на мировую политику.

Россия должна содействовать выработке справедливых правил глобализации. Надо препятствовать монополии одной или двух стран в любой жизненно важной отрасли, поддерживать создание новых резервных валют, новых транспортных и информационных систем, новых международных центров высоких технологий. Развивая демократию в нашей стране, мы заинтересованы в демократизации и международных отношений. В них не

должно быть места диктату. Свободные нации должны соревноваться и сотрудничать по справедливым правилам.

Мы, конечно, восстанавливаем свои позиции в мировом сообществе. Но я бы хотел напомнить, каким образом. Россия является одним из пяти постоянных членов Совбеза ООН, имеет право вето, как известно. Насколько все это эффективно – вопрос другой, но это очень почетный статус. Хотел бы напомнить, что статус этот добыт не нами с вами – он явился результатом итогов Второй мировой войны, в которой одержали победу наши отцы и деды. Это наше наследство.

Мы также являемся членом «Большой восьмерки», даже председательствуем в ней в этом году. Хотел бы также напомнить, что по экономическим показателям Россия не вполне вписывается в «Большую восьмерку» и в этом смысле нам дали аванс, чтобы нас из виду не упустить.

Вот так мы и живем между наследством и авансом. Мне кажется, проблема нашего поколения в том, что свой вклад мы пока всерьез не внесли. Мы только переходим от политики стабилизации к политике развития. Нет ни одного крупного экономического или социального достижения, которое совершило бы наше с вами поколение. Об этом надо помнить. Уже и апломб появился, уже и миллиардер на миллиардере сидит и миллиардером погоняет и говорит: «Мы самые умные и все понимаем». Миллионеров вообще девать некуда.

Люди настолько горды, как будто порох изобрели. Но они ничего не изобрели. Да и амбициозных голодранцев хватает, которые думают, что они хозяева вселенной, неизвестно, на каком основании. Пока мы не заработали реально, сами, своим трудом статус ведущей мировой державы.

Конечно, не в плюс демократии – бедность. И если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не может быть устойчивым.

Рентабельность демократии не для всех пока очевидна. Она должна быть выгодна ее гражданам в самом прямом смысле слова. Она должна обеспечивать получение гражданами материальных благ, зарабатывание денег и так далее. Нашей демократии еще предстоит доказывать свою эффективность в этом направлении. Уклонение от уплаты налогов, коррупция подрывают экономическую базу демократии. Устойчивое развитие свободного общества, свободной экономики предполагает более справедливое распределение национального продукта.

Основные угрозы суверенности нашей нации – это международный терроризм, угроза прямого военного столкновения, неконкурентоспособность экономики, мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям»

Что угрожает суверенитету как составной части нашей существующей и будущей политической модели? Основные угрозы суверенности нашей нации – это международный терроризм; это (к счастью, пока очень гипотетическая) угроза прямого военного столкновения; неконкурентоспособность экономики; мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям» при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям. Чуть подробнее остановлюсь на каждом моменте.

Борьба с международным терроризмом – одно из основных направлений работы Президента и вашей работы. Естественно, тут велика роль наших спецслужб. Кроме силы, очень важна работа гуманитарного и экономического характера. Уже многократно говорили о социализации Кавказа, возвращении туда нормальных основ функционирования общества, занятости, восстановлении культурного единства наших народов. Это сложная задача, она на десятилетия, но надо верить в ее реализацию и верить в то, что мы с этой задачей справимся.

По внешним угрозам военного характера, повторюсь, на сегодня так вопрос, к счастью, не стоит, но мы все реалисты и, к сожалению, должны признать, что всяко может быть, и, естественно, наша армия и военно-морской флот – основа нашего национального суверенитета, в особенности, конечно, ядерные силы. И этому вопросу будет уделяться самое большое внимание и сейчас, и в будущем.

Экономика. Не будет у нас, конечно, армии, не победим мы терроризм, ничего мы вообще не решим, если у нас будет «хромая» экономика. Экономический рост у нас большой, довольно впечатляющий, но, опять же, надо вспомнить, от какого уровня мы растем, и не особо зазнаваться.

А во-вторых, не всегда понятно, что там у нас растет. Структурная перестройка экономики чудовищно затянулась, и рано или поздно эта проблема, плавно ли, жестко ли, но даст о себе знать. И огромные государственные расходы, и неэффективная бюджетная сфера, и слабое развитие передовых отраслей экономики – это проблемы. Естественно, много разговоров, споров о том, что с этим делать. Есть адепты такого либерального мракобесия, которые предлагают просто все либерализовать до крайней степени, и само все вроде как образуется. Конечно, это не так. Общество должно думать и вырабатывать реалистическую модель дальнейшего развития. Собственно, Президент Путин уже обрисовал эту модель, хотя мы находимся в начале пути. Надо использовать свои конкурентные преимущества и развивать их. И когда мы говорим о высоких технологиях и так далее, мы как-то забываем сказать, откуда они возьмутся. Мне кажется, надо брать то, что у нас и так получается, и просто делать это лучше.

Концепция России как энергетической сверхдержавы, мне кажется, вполне соответствует этому подходу. Все-таки топливно-энергетический комплекс – это главный наш экономический комплекс, который дает львиную долю нашего национального продукта.

Естественно, речь ни в коей мере не идет о том, что надо быть и оставаться так называемым сырьевым придатком. Задача не в том, чтобы стать очень большим сырьевым придатком, а в том, чтобы максимально используя наши возможности, развить их и вывести на новый качественный уровень. Возможно, для начала мы должны научиться добывать нефть и газ более современными способами. Для начала мы должны качественно улучшить наш ТЭК, причем не только путем закупки оборудования на Западе, тогда мы действительно станем спецназом, охраняющим их трубу. Мы должны получать доступ к технологиям, экспортируя газ, нефть, нефтепродукты. На мой взгляд, мы должны думать не только о том, сколько денег за это взять (об этом, конечно, само собой надо думать), но деньги, извините за выражение, это бумага. Мы ведь имеем дело с мировыми эмиссионными центрами. Ну что там американцам эти деньги? Они сколько надо, столько их и «нарисуют». Нам нужны знания. Нам нужны новые технологии. Тогда и проблемы Стабфонда не будет – куда сплавить то, что набрали.

Если мы получим доступ (в кооперации, конечно, с западными странами, в добром сотрудничестве с ними) к новым технологиям, пусть, может быть, не самого последнего дня, мы потом сами, развивая свою систему образования (мы в общем-то не глупые в целом люди), сможем выйти уже на те самые высокие технологии. У нас есть энерго-машиностроение, которое, конечно, отстало, но у нас есть база, у нас есть люди, у нас есть специалисты, у нас есть от чего плясать. И это надо обязательно использовать. Конечно, нужно развивать и технологии энергосбережения, развивать новые технологии в области транспортировки энергии, энергоносителей, у нас есть и не утрачены пока, к счастью, хорошие возможности в области атомного энергетического комплекса, и это пользуется спросом.

Россия должна в кооперации с другими странами думать о топливе будущего, используя преимущество, что у нас столько углеводородного сырья, нужно уже думать о том, что будет после того, когда это все закончится. И если Россия сможет за счет своих сегодняшних

возможностей попасть в международный кооператив, который создаст топливо будущего, тогда наши дети будут жить спокойно. А если мы все проедем сегодня, пропьем, прогуляем, тогда кто ж нам спасибо скажет?

Также мы имеем определенные навыки в освоении космоса.

У нас есть оборонный сектор. Финансирование научно-исследовательских работ в оборонке возросло в разы за последние годы. Здесь тоже мы не должны утрачивать наши возможности, причем полагаю, что даже в оборонной промышленности по некоторым направлениям можем кооперироваться с другими странами.

Транспорт и связь. Само расположение России делает ее хорошей дорогой между Востоком и Западом. Здесь тоже есть к чему стремиться и есть с чего начинать.

Спрашиваю одного знакомого: «Что так мало дорог строим?». Он говорит: «Да не возят же ничего, чего их строить?» Говорю: «А ты построй, может, повезут?» Мне кажется, тут есть «проблема курицы и яйца». Конечно, когда человек сидит дома, думает: «Сейчас поеду, там ухабы, свалюсь куда-нибудь да помру». А если хорошая дорога, вокруг прекрасная инфраструктура, он поедет просто так. То же самое и с грузопотоком: надо создать привлекательную инфраструктуру – повезут. Надо только показать, что здесь нормально, комфортно, и безопасно, и удобно.

Что касается средств связи, то только прямое участие российских компаний в создании глобальных информационных сетей сможет обеспечить место России в приличном обществе. От этого зависит наш суверенитет и кто мы в мировой паутине – пауки или мухи.

В некоторых отраслях ради сохранения суверенитета необходимо преимущественное влияние национального капитала. Национальный – не обязательно государственный. Но ТЭК, стратегические коммуникации, финансовая система, оборонная сфера должны быть преимущественно российскими.

Остальные отрасли нужно открывать по максимуму для зарубежных инвестиций, для глубокой модернизации. Мы должны стремиться к участию в глобальной экономике в составе новых мультинациональных корпораций. Именно многонациональных, а не транс-, сверх-, над- и вненациональных. Экономическое будущее не в исчезновении великих наций, а в их сотрудничестве.

Что касается мягкого поглощения, это тоже вполне реальная угроза суверенитету. Как это делается, известно: размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты. «Оранжевая технология» это вполне наглядно показывает. Не могу сказать, что вопрос этот снят с повестки дня, потому что если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой? Думаю, что эти попытки не ограничатся 2007—2008 годами. Наши иноземные друзья могут и в будущем как-то пытаться их повторить. Здесь есть одно лекарство, по большому счету, – формирование национально ориентированного ведущего слоя общества.

У нас ведь бизнес, который вырос в бурное время 90-х, который родом из советского времени, когда за лишние 100 рублей могли посадить на 100 лет и господствовала совсем другая мораль, он у нас запуганный, с одной стороны. Да и с другой стороны – тоже. Сложилась такая психология, что называется, «офшорная аристократия»: вроде хозяева жизни, но при этом они видят свое будущее, будущее своих детей не в России. Один из них написал: «Мы воспринимали Россию, как зону свободной охоты...». Промысел такой. «А сейчас поеду на плантацию, как там они?». И дело не в том, что он имеет счета в офшорах, пусть имеет. Но живет он ментально не здесь, не в России, и держаться за нее такие люди не будут, и заботиться о ней тоже не будут. То есть у них не только деньги в офшоре, но и голова там же.

Если наше деловое сообщество не трансформируется в национальную буржуазию, то, конечно, будущего у нас нет. Причем даже называя многих этих людей «офшорной аристократией», отнюдь не нужно считать их врагами: все эти графы Бермудские и князья острова

Мэн наши граждане, у которых есть масса причин так себя вести. Эта проблема не решится каким-то одним усилием, одним законом. Можно сколько угодно говорить о том, что собственность незыблема и так далее. Но пока это не уляжется в головах у людей, пока не поверят, что здесь можно работать долго, всю жизнь и оставить все детям, и дети будут здесь тоже жить хорошо, и никто не придет к ним и ничего не отнимет, и не скажет: «Вот ты негодай какой! Мы тебя наконец нашли!». Здесь нужно сотрудничество бизнеса и остальной и большей части общества. Я специально не говорю «государство». Государство – это способ самоорганизации общества. Когда говорят о противоречиях бизнеса и государства, это глубочайшее заблуждение. У бизнеса противоречия с обществом, потому что чиновник воспринимает сигналы от общества. Не только у чиновника претензии. Эти претензии распространены более широко. В этом ничего хорошего на самом деле нет, потому что если отношения между богатыми и не очень богатыми людьми в нашей стране не нормализуются, у нее нет будущего. И мы должны с вами все сделать для того, чтобы эти отношения гармонизировать, хотя это очень трудно. Гораздо проще стать на популистскую точку зрения: «Бей богатых! Все отнять и поделить». Ни в коем случае нельзя этого делать при всей кажущейся соблазнительности. Лишние 2% на этом заработать? Я имею в виду рейтинг. Не стоит овчинка выделки, потому что последствия будут гораздо хуже. Мы должны беречь наш бизнескласс, лелеять его и заботиться о нем, а они – платить налоги и уважать общественную традицию и мораль.

Другая мощнейшая часть ведущего слоя – это, конечно, бюрократия. И она должна проделать свой путь от полусоветской, полукомпетентной, привыкшей к поражениям бюрократии к эффективному, конкурентоспособному сообществу государственных служащих, потому что мы и здесь проигрываем соответствующим корпорациям других государств. Я бы сказал, что Госдеп при любом к нему отношении эффективнее пока, расторопнее работает, и даже прямо у нас под боком, а мы пока в целом не успеваем. Есть такая американская поговорка: ковбои бывают двух видов – быстрые и мертвые. Мне кажется, в наше время надо быстрее все делать, быстрее.

Трансформировав офшорную аристократию в национальную буржуазию и постсоветскую бюрократию – в современную, успешную, гибкую бюрократию, общество может быть спокойным за будущее нашей страны.

Здесь требуются нелинейные подходы и долгосрочные усилия по созданию в России атмосферы сотрудничества и стремления к успеху.

И здесь крайне важна проблема образования и, конечно, культуры. Такова хрупкая инфраструктура воспроизводства национальной элиты – образование и культура. И в области образования нам пока есть куда стремиться. Мы любим говорить, что оно у нас лучшее в мире, это не совсем так, между нами говоря. Наши вузы не имеют достаточной материальной базы, они не всегда еще хорошо оснащены и современным интеллектуальным продуктом. Я бы, честно говоря, звал бы и иностранных преподавателей, не стеснялся бы этого. Нам очень важно модернизировать образование, чтобы те, кто заканчивает наши вузы, были по классу не хуже выпускников Гарварда и Массачусетского технологического университета. Я не говорю, что здесь у нас все плохо, здесь, опять же, у нас есть конкурентное преимущество, у нас неплохая система образования, но надо ее развивать, четче ориентировать, и, что очень важно, она должна воспроизводить национально ориентированную элиту. У нас же в некоторые вузы зайдешь – там такое услышишь на лекциях о России, там какие-то просто, с позволения сказать, неправительственные организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги пошли из какого-нибудь посольства взяли.

У образования много значений. Создание образа человека и народа. Образа мыслей. Образа будущего. Образование, то есть создание нации, организация ее жизни, ее культура. Образование как возможность прорыва в экономику знаний. Это далеко не все причины, по

которым образование, наука, культура требуют особенного к себе отношения. «Битву при Садовой выиграл прусский учитель», – сказал Бисмарк.

«А при Сталинграде – учитель русский», – добавим мы. А получает русский учитель, вы помните, 60% от советской зарплаты. Вот и думайте, платить ли налоги или обождать?

Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития

Итак, если мы решим все эти задачи, Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития. Будет экономически процветающей, политически стабильной, высококультурной. Будет иметь доступ к рычагам влияния на мировую политику. Будет свободной нацией, совместно с другими свободными нациями формирующей справедливый миропорядок.

Есть ли абсолютная уверенность в том, что все будет так? Абсолютной, конечно, нет. И это благодущие, что у нас стабильность, у нас это, у нас то... Коллеги, отсылаю к началу своей лекции: по мере развития демократии информационная борьба обостряется. Борьба за умы. Хорошо бы это понимать и не надеяться на то, что вегетарианство и непротивление отпугнут нас в рай. Ничего подобного.

Ведь есть и другие подходы к будущему России. Их очень много, но в политическом спектре я бы выделил два основных течения, которые оппонируют нам и которые борются с нами. Кто мешает тому, кто идет вперед? Тот, кто идет назад.

У нас есть политическая сила, которая предлагает нам сделать шаг назад. Я бы назвал ее партией олигархического реванша.

Не нужно забывать, что в 90-е годы при всем том бардаке, который существовал, очень многие политики, массу которых мы наблюдаем и сейчас в активной политической жизни, жили на самом деле очень хорошо. Те, кто называл себя либералами, что-то бесконечно там делили. А те, кто называл себя державниками, сидели в парламенте, имея большинство, и тоже себя неплохо чувствовали.

Был такой удивительный симбиоз. Между ними вроде было много противоречий, но при этом все они были как бы в доле, потому что оппозиция получала свою статусную ренту со всего происходящего, а правящий, но почему-то находящийся в меньшинстве отряд революционеров имел что-то свое. Естественно, у этих людей дикая ностальгия по тем временам. Приносили им деньги для решения различных вопросов. Ведь можно только представить, насколько упала капитализация некоторых партий, извините за грубость. Ведь раньше они влияли на решения, теперь, честно говоря, особо не влияют. Много мотивов у людей повернуть время вспять. Ностальгия.

Есть и потенциальные политические лидеры у этого направления политической мысли. И зарубежные спонсоры. Безусловно, мы не можем допустить реставрации олигархического режима, потому что, повторюсь, это путь в никуда, это нежизнеспособная система, ведущая к мгновенной утрате суверенитета и демократии. Какие бы выводы все эти деятели из прошлого ни сделали, они, как сказано было о Бурбонах, ничего не забыли и ничему не научились. Но потенциальная опасность их возвращения существует, не надо ее сбрасывать со счетов.

Второе направление политической реставрации, я бы сказал, – это партия двух шагов назад. Назову их изоляционистами, потому что слово «патриот», которое они сами к себе прилагают, я бы не пачкал об них. Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что и Запад – это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подпирает, Россия для русских, Татария, видимо, для татар, Якутия для якутов, видимо, по этой логике... О Кавказе не буду, потому что окажется, что они заодно с Басаевым. Мне кажется, что если национал-изоляционисты придут к власти в

нашей стране, возникнет ухудшенная копия советского, недосоветского, бюрократического государства, причем даже без советского величия. Это просто будет смехотворная пародия, которая также ввиду своей абсолютной несостоятельности приведет нацию к демографической катастрофе и к политическому краху. Я уж не говорю о том, какие последствия это может иметь для наших граждан, потому что межнациональные конфликты провоцировать в нашей стране очень опасно. У одних во всем русские виноваты, у других – евреи, у третьих – татары, мы так далеко зайдем. Я не пытаюсь кого-то там призвать к любви и нежности в отношении друг друга. Мы с вами не учителя жизни, а практикующие политики. Предложил бы подумать с прагматической точки зрения, к чему это может привести. Благо все примеры у нас в недавнем прошлом. Один раз нам внушили, что казахи, украинцы и другие товарищи – это обуза на шее России. Я хорошо помню статью в одной влиятельной газете на заре перестройки. Украина – убыточная республика. И там нам расписывали про эти убытки, как из нас кровь сосут все наши недавние братья. Поверил, наверно, кто-то в это. И чем закончилось? Мы потеряли полстраны, полнаселения, пол-экономики и так далее. Если мы и сейчас поверим в то, что во всем виноваты те-то и те-то, мы потеряем еще полстраны, еще пол-экономики. Можно и так. Кому как веселее. Считаю, что мы с вами должны быть жестко против. Мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации.

Мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации

Вот два основных направления, две основные противостоящие нам политические силы. Они могут оформляться в разные партии, коалиции и так далее. Но именно с ними нам придется иметь дело в ближайшем будущем, в 2007—2008 годах, и именно у них нам надо вырвать победу.

И это непросто. Пути демократии не всегда прямые. И не только в России. Демократии угрожают олигархические и национал-изоляционистские группы во многих регионах мира. Добавьте терроризм, международный криминалитет. Трудности становления демократии в нашей стране, двойные стандарты западной политики дают стимул для разочарования в демократических ценностях. Едва ли способствуют популярности демократических идей секретные тюрьмы ЦРУ в Европе, незаконное насилие в Ираке, антиконституционные оранжевые перевороты в соседних странах. Такие вещи на руку как раз контрдемократам всех мастей.

Все знают о веймарских ротозеях, которые допустили к власти Гитлера. Демократическим способом.

Предлагаю рот не разевать и не зевать. И не дать сторонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур. То же касается и поклонников национал-диктатуры. Всех противников народного суверенитета.

В. Иванов

ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ВАМ НЕ ЛОБИО КУШАТЬ

Так якобы любил говорить грузинский «вор в законе» и по совместительству политик Джаба Иоселиани, ныне покойный. Этот афоризм вспоминается всякий раз, когда начинаются вопли о «демократии, растоптанной чекистским сапогом».

1.

Сразу нужно сказать, что лично я в современную демократию, точнее, в возможность демократического устройства в современных условиях никогда не верил и не верю. Потому что помню, что именно под этим словом подразумевали античные мыслители и как именно было организовано правление в демократических полисах. Демократия в ее исходном смысле есть народовластие, «правление большинства», т. е. управление государством напрямую народным собранием и через широкое народное представительство. Опыт тех же Афин или Фив показывает, что такое возможно только в условиях: 1) ограниченной территории; 2) ограниченной численности населения; 3) незначительного социального неравенства; 4) минимальных – в допустимых для общества пределах – цензовых ограничений пассивного и активного избирательного права (в Афинах политическими правами обладали только примерно 50 тысяч местных мужчин); 5) наличия у свободных граждан времени для участия в политической деятельности (это обеспечивалось рабовладением). Демократия – это максимальная «симфония» народа и власти. Звучит очень красиво, но в жизни легко оборачивалось господством толпы, которая, по словам Плутарха, «того, кто ей потакает, влечет к гибели вместе с собой, а того, кто не хочет ей угождать, обрекает на гибель еще раньше».

При увеличении территории, численности населения, дифференциации социальной структуры прямое народное правление невозможно. Поэтому невозможна демократия. Институты народного представительства, дополнявшие народное правление при демократии, сами по себе в лучшем случае могут обеспечить только участие народа в принятии решений, да и то зачастую формальное.

Вызывает восхищение, как легко и непринужденно многие авторы использовали и используют слово «демократия» для описания заведомо недемократических конструкций

Поэтому вызывает восхищение, как легко и непринужденно многие авторы использовали и используют слово «демократия» для описания заведомо недемократических конструкций. Макс Вебер с концепцией «плебисцитарной демократии», теоретики «элитной демократии» (Йозеф Шумпетер, Роберт Даль, Сеймур Липсет, Джованни Сартори), Гильермо О'Доннел со своей «делегативной демократией» и пр. открыто утверждали, что «демократия» на самом деле означает не правление народа, а правление от имени народа, право на которое приобретается на выборах. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, сколь авторитетно в гуманитарных науках имя отдельно взятого Вебера, как велики его заслуги, но утверждаю, что он и многие другие подменяют понятия.

Нигде и никогда, кроме как в античной Греции, прецедентов демократии не было, по крайней мере в последовательно разработанном виде. Покажи какому-нибудь Аристотелю «современную демократию», он, скорее всего, плотно бы задумался на тему, как и почему с течением времени содержание понятия может измениться почти полностью.

2.

Однако от «современной демократии» никуда не деться. Попробуем разобраться, что имеется в виду.

А имеется в виду набор правовых и политических институтов, призванных обеспечивать гражданам определенный набор личных, политических, экономических и пр. прав и свобод, участие всех желающих граждан в управлении государством, учет их интересов и мнений при выработке, принятии и реализации государственных решений (далее я буду говорить о демократии именно в этом значении). Принципиальное значение имеют выборы, а также референдум, это системообразующие институты («один человек – один голос»). Из истории и текущей практики известно, что форматы демократических институтов могут быть довольно различными. Так, выборы бывают прямыми и косвенными. Типический пример последних – избрание президента США коллегией выборщиков. На референдум выносятся инициативы не по любым вопросам, а лишь те, которые разрешены (не запрещены). И при условии соблюдения соответствующих процедур, по общему правилу призванных подтвердить, что предлагаемая инициатива действительно представляет интерес для большого числа людей и достойна вынесения на всенародное голосование и т. д.

Естественно, такой подход предполагает признание вполне себе демократическими не только стран Запада, но и, например, Ирана, в котором проводятся не просто выборы, а по-настоящему альтернативные выборы. Да, шиитское духовенство через специальные органы (конституционные, обратим внимание) обладает правом снимать с выборов кандидатов, которых посчитает недостойными. Но легальные основания для снятия с выборов предусмотрены в законодательстве многих стран. И если на то пошло, неизвестно, что еще хуже: снятие с выборов заговя или публичные истерики и «промывка мозгов» после успеха партии или политика, не отвечающих якобы общепризнанным представлениям о хорошем и правильном, каковые имели место, в частности, после победы Свободной партии Йорга Хайдера в Австрии в 1999 году или выхода Жан-Мари Ле Пен во второй тур президентских выборов во Франции в 2002 году. Да, в Иране не позволят проповедовать иные религии, кроме шиитского ислама и атеизма. Но и в западных странах тоже много чего проповедовать нельзя. Даже за одно слово «негр» кое-где нарвешься на серьезные неприятности. Можно спорить по поводу допустимости тех или иных ограничений и санкций, их адекватности, но это уже зачастую будет спор даже не об институтах, а о форматах институтов.

Естественно, спустившись на уровень практической политики, мы нигде не обнаружим народовластия. Почти везде правят олигархии всех возможных типов и видов. Спорить с этим бессмысленно. Как, однако, и с тем, что современным олигархиям – так уж сложилось в силу множества факторов, в первую очередь из-за роста населения и распространения образования, – нужно всячески камуфлировать себя демократическими институтами, задабривать массы, покупать их лояльность.

Есть западные стандарты демократии, есть незападные. Каждое государство в идеале должно само себе устанавливать стандарты. Но, естественно, вашингтонско-брюссельский «Майкрософт» пытается всучивать свои «лицензированные продукты» направо и налево, несмотря на то что они и «ключные», и далеко не всем нужны и подходят. Сколько еще раз должны на «свободных выборах» победить «хамасы», чтобы это прекратилось? Риторический вопрос.

3.

В случае российской демократии все еще сложнее. У нас сваливаются в одну кучу как западные стандарты, причем и европейские, и американские, и их предельно идеализированные интерпретации, и российские реалии 1990-х годов, и опять-таки пасторали об «эпохе свободы». В 2000—2005 годах все назначенные выборы проводились в срок, Госдума не распускалась, деятельность партий и СМИ не приостанавливалась, чрезвычайное положение не вводилось. Но всякий раз, когда власть инициирует какую-нибудь централизаторскую реформу или просто наводит порядок, в ее адрес летят филиппики по поводу «сворачивания», «удушения», «уничтожения» и прочих нехороших манипуляций с демократией.

У нас сваливаются в одну кучу как западные стандарты, причем и европейские, и американские, и их предельно идеализированные интерпретации, и российские реалии 1990-х годов, и опять-таки пасторали об «эпохе свободы»

Так, когда в 2001 году «зачищали» Гусинского и его гадюшник, самообозвавшийся «уникальным журналистским коллективом» (впрочем, последнему после НТВ позволили полностью показать себя на ТВ-б и ТВС), несколько месяцев полстраны насиловали рассказами про «свободу слова», которая «священна». «Священна» или нет – еще можно поспорить. Но в любом случае свобода слова теоретически предполагает, что любой человек, в том числе профессиональный журналист, может высказывать свое мнение по любым темам ради информирования общества и поддержания плюрализма. На практике же она означает всего лишь отсутствие открытой формальной цензуры (государственной, собственника СМИ, издательства). Скрытая есть всегда.

Гусинский был олигархом-медиакратом, причем очень высокого полета. Он также был «информационным пиратом», занимавшимся не только «мочиловом», но и, по многочисленным рассказам, самым натуральным шантажом. И еще он был дрянным бизнесменом, набравшим кредитов, которые не мог вернуть. В 1995—1999 годах «Гусь» и его люди творили что хотели, например, не стеснясь, симпатизировали чеченским боевикам (пока те от избытка благодарности не захватили съемочную группу НТВ и не потребовали выкуп). А потом он ввязался в войну с Кремлем на стороне Лужкова и Примакова. Те проиграли и признали поражение, Гусинский сдуру решил продолжить бороться один. Дальнейшее было предсказуемо. В конце концов, он действительно был должен деньги и рассчитаться не мог. Что по закону, что «по понятиям» – его бизнес следовало забрать. Так что дело здесь не в свободе слова и не в демократии. Сколько ими ни прикрывайся. Понятна грусть лузера Гусинского, понятна печаль его бывших холопов и клиентов, развращенных огромными зарплатами и статусом «телезвезд», но вещи надо называть своими именами.

Когда Кремль еще с 2000 года взялся за региональных глав, привыкших узурпировать федеральную компетенцию и ресурсы, любивших порассуждать о том, есть ли у субъекта Федерации суверенитет или нет, целый хор собрался оплакивать федерализм и заодно сестру его демократию. Причем солировать взялись те, кто накануне как раз возмущался беспределом «региональных баронов» и требовал их наказать. Реформы растянулись на пять лет. Плач тоже. А когда отменили прямые выборы президентов и губернаторов, он перешел в вой.

Вновь обратимся к теории. Связь демократии и федерализма, т. е. разделение государственной власти на два уровня – федеральный и субфедеральный, вовсе не доказана. Более того, во многих случаях федеративное устройство тормозило демократизацию (в США, во многих латиноамериканских федерациях в XIX-XX вв.) Прямые выборы глав регионов не составляют необходимый элемент ни федерализма, ни демократии. В Индии – одной из круп-

нейших федераций – губернаторов назначает президент. Большинство «эталонно демократических» стран вообще унитарные, глав территориальных образований там либо выбирают соответствующие представительные органы, либо они назначаются центральной властью. Кроме того, в российской Конституции нет ни слова о прямых выборах регионалов, этот вопрос отдан на усмотрение законодателя. Исторически в российских республиках главы стали избираться на прямых выборах с 1991 года. Все другие регионы возглавляли назначенцы. Ельцин назначил и снял не один десяток губернаторов и лишь с 1993 года стал разрешать в порядке особой милости или уступки индивидуально тому или иному регионалу пройти выборы. Только в 1995 году появился закон, требующий в обязательном порядке избирать глав.

В 1990-е годы в условиях слабости федеральной власти регионалы ни в чем себе не отказывали. Особенно после того как они стали «всенародно избираемыми», а затем наделенными иммунитетом членами Совета Федерации. Заставить их хоть немного уважать федеральное право и президентскую власть было совершенно необходимо. У нас единая страна или нет? Поэтому пришлось шаг за шагом понижать статус руководителей субъектов Федерации. Когда центральная власть слаба, регионы автоматически усиливаются за ее счет. И наоборот. Так было всегда и везде. Ничего ни специфически «путинского», ни специфически российского, ни тем более «антидемократического» в этом нет.

Когда пришел черед партийного рынка (его историю я описывал в прошлой колонке), а потом и смежного с ним рынка неправительственных организаций (НПО), тоже стон пошел. Не видать теперь России многопартийности, не видать гражданского общества. Сейчас особенно много блажат в связи с ужесточением контроля за финансовой стороной деятельности партий и НПО. Как же так, бизнесу и, что особенно страшно, добрым людям из-за рубежа не дают «нормально» инвестировать в политическую и общественную деятельность в России.

По поводу бизнеса все очевидно. Теоретически в развитом демократическом государстве он должен быть прозрачен. На практике частичная непрозрачность априорна, она компенсируется лояльностью к власти и установленному порядку. Нет лояльности – у бизнеса могут возникнуть проблемы. В конфликтах обычно побеждает власть и лояльный ей бизнес. Во многих странах инвестиции в оппозицию не считаются проявлением нелояльности. Но вложения в организации, призывающие свергнуть действующий режим, нигде не приветствуются.

В России, несмотря на постоянные жалобы на «давление Кремля», оппозиционные партии и бизнес друг друга находят. Не только «Родина» или «Яблоко» имеют приличные для межвыборного периода реальные (а не официальные) бюджеты, но и даже Республиканская партия. При этом добавить прозрачности в спонсорские отношения нужно. Это ж цивилизованно. И весьма демократично. Должны ж граждане знать, кто платит тем, за кого голосовать предлагается.

Зарубежные государственные и негосударственные структуры с конца 1980-х годов закачивают в российскую политику деньги, реализуя свои цели и задачи

Зарубежные государственные и негосударственные структуры с конца 1980-х годов закачивают в российскую политику деньги, реализуя свои цели и задачи. Это общее место. Странно, если бы они не пользовались нашим бардаком. Дают – бери. Общее место и то, что в том числе западными деньгами оплачивались «цветные революции». Как удачные, так и неудачные. А теперь представим себе, что какой-нибудь фонд, представляющий интересы правительства Уго Чавеса или китайских миллиардеров, связанных с КПК, не стеснясь и не прячась, попытался бы профинансировать избирательную кампанию американской Демпартии или британских консерваторов. Или проспонсировал бы НПО, которая мониторит

ситуацию на ядерных объектах на территории ЕС и периодически устраивает акции протеста. Подчеркиваю: не просто попытался, а сделал это так, что все, кому надо и не надо, узнали. Представим, какой скандал бы поднялся. Представили? Нечего дискутировать ни с Кондолизой Райе, ни с ПАСЕ по поводу стандартов законодательства об НПО. Нет предмета для дискуссии.

Хотя еще неизвестно, обернутся ли новые порядки реальным ужесточением контроля и сокращением инвестиций (после принятия в 2002 году закона о партиях много говорили, что их останется чуть ли не 5-6, в итоге сейчас в Минюсте зарегистрировано аж 37 партий, и понадобилась еще целая серия специальных поправок, чтобы наконец запустить процесс «чистки»). Но точно известно, что хозяева партий и НПО возмущаются не только из-за идейного несогласия с властями, боязни закрытия или ради PR. Их беспокоят попытки заглянуть в их кубышки (по партиям это уже не первый заход). Там полно «черного нала», который, как, впрочем, и «белые деньги», не всегда пускают на те цели, которые заявлялись спонсорам. То есть разбазаривают и разворовывают. Сами спонсоры об этом знают или догадываются. Но в целом всех такой порядок вещей устраивает. Теперь есть от чего разволноваться – вдруг действительно отлаженный за многие годы бизнес все же уничтожат? Или просто сократятся потоки? Демократия тут точно ни при чем. Just business.

Бесспорно, в России действуют отечественные НПО с внешним финансированием и подразделения зарубежных НПО, чьи руководители – честные люди, которые не лезут в политику и которые реально помогают больным детям, инвалидам, борются за экологию и т. д. Но ставить вопрос таким образом, что-де из-за «оранжефобии» теперь пострадают дети, – откровенное лукавство. Они могут пострадать из-за деятелей, за 15 лет привыкших, что в России можно все, что нельзя дома. Когда-то ж надо отучать.

Можно долго еще перечислять, что конкретно мы якобы утратили, чего нас типа лишили. И везде будет одно и то же – передергивания, натяжки, истерики, попытки выдать удобные (для выдвигающих) интерпретации за универсальные, а собственные проблемы – за общие.

Я не хочу сказать, что в последние шесть лет в России стало больше демократии. Но и меньше ее точно не стало. Зато поменялись форматы многих институтов, да и вообще форматов как таковых стало больше. И, главное, теперь есть порядок. Те, кому не нравится жесткость части новых правил, должны понимать, что это есть объективная плата за «гуляй-поле» 1990-х. А также помнить про тех, кому нравится или кому все равно.

Их большинство. При демократии положено прислушиваться к меньшинствам. Но слушаться их, тем более во всем, недемократично.

Л. Радзиховский ЕДИНАЯ РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА

Выступление Владислава Суркова перед активистами ЕР (выступал 7 февраля, опубликовано на сайте ЕР 22 февраля) наделало шума – и немудрено. Как ни относиться к Суркову, он – чуть ли не единственный (за исключением Путина, естественно), кто пытается формулировать идеологию власти, представить какую-то целостную картину мира, как она видится с Кремлевской стены (взгляд «наружу»). Почему эта привилегия (обязанность? «нагрузка»?) досталась именно Суркову – отдельная тема для кремленологов. Но, во всяком случае, это так.

ЕДИНАЯ РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА

Проблема, к которой Сурков постоянно возвращается в ходе своего выступления (и далеко не только этого), – состояние российской элиты. Тема, очевидно, одна из самых важных – «кадры решают все»... особенно при слабой правовой системе. А вот ответ на то, КАК они все решают, получается одним из самых болезненных: «Это национальное позорище» (Д. Медведев о действиях подведомственных ему чиновников). Ну а уж что говорят о чиновниках подведомственные им граждане – повторить в печати не рискнет никто, но знают все.

Сурков – крестный отец ЕР, партии, которая считает одной из главных своих задач выработать наконец-то адекватную элиту России-XXI. «Напомню, что японская Либерально-демократическая партия около 40 лет доминировала и до сих пор является основной партией Японии. И шведские социал-демократы находились у власти непрерывно с 1932 по 1976-й. Ничего, нормально» (Сурков. Дальше все цитаты – если специально не оговаривается – из текста его доклада).

Такие аппетиты у ЕР. Но тут же сразу следует простое соображение – зачем нам поминать всуе Японию со Швецией, у нас свой опыт имеется. КПСС правила 70 лет! Не пойдет ли ЕР, которую ориентируют на «японскую модель», по пути КПСС? «У нас какую партию ни создаешь – КПСС получается» (Черномырдин).

Надо сказать, что эту опасность Сурков ясно видит. КПСС как инкубатор элиты его совершенно не устраивает – по хорошо известной причине: «Замкнутое общество, в котором результаты оценивались скорее с партийно-догматической точки зрения, а не с прагматической, воспроизводило неэффективную элиту... Это была „мина“, заложенная в самой системе: она не могла воспроизводить другую элиту». Больше того. Именно с провалами этой элиты Сурков связывает (хотя, конечно, только к ним не сводит) крах СССР.

Открытая страна, открытая элита, не прячущаяся от глобального мира ни за железным занавесом национализма, ни под пуховой подушкой обломовщины

Итак: общество а) замкнутое, отгороженное от мира, б) замкнутое в том смысле, что внутри него конкуренция ведется не по рыночным, «прагматическим», а по партийно-догматическим критериям – это общество обречено на воспроизводство неэффективной элиты. Следовательно, альтернатива – в формировании общества, открытого в обоих этих – кстати, взаимосвязанных – смыслах.

Во-первых, открытая страна, открытая элита, не прячущаяся от глобального мира ни за железным занавесом национализма, ни под пуховой подушкой обломовщины.

Во-вторых, конкуренция элит внутри страны по рыночным, прагматическим критериям. В целом это и называется – при всей банальности данного выражения – «построением демократии». Точнее – выработкой элиты демократического общества.

Собственно, весь доклад Суркова и состоит в его анализе трудностей данного пути и возможностей их преодоления.

Причем о второй проблеме – конкуренции элит внутри страны, в том числе конкуренции в рамках партийной борьбы, – Сурков в докладе говорит довольно своеобразно. Он выделяет «два основных направления, две основные противостоящие нам политические силы („партия олигархов“ и „партия националистов“ – Л. Р.). Они могут оформляться в разные партии, коалиции и т. д. Но именно с ними нам (ЕР – Л. Р.) придется иметь дело в 2007—2008 годах, и именно у них нам надо вырвать победу».

Что ж, возможно (и даже весьма вероятно), что к 2007—2008 годам эти силы укрепятся. Вполне естественно и то, что при любом раскладе ЕР (как всякая партия) стремится к победе. Но жаль, что при этом Сурков не затрагивает достаточно важную тему пирровой победы, грозящей ЕР.

В самом деле: ЕР может сформироваться в качестве эффективной демократической партии, «не впасть в КПСС» только в условиях конкуренции. ЕР должна конкурировать с сильными партиями. Их сегодня нет – скажем, на выборах в местные законодательные собрания в марте 2006 года о серьезных соперниках для ЕР речь не идет. Должна ли в этом случае ЕР конкурировать сама с собой – или искусственно выращивать для себя конкурентов?

Однако эту тему Сурков не обсуждает. Вернемся к тексту доклада.

Изменилась ли все-таки наша элита – не просто персонально, а качественно по сравнению с советскими временами? Перефразируя классика, «изменилась ли элита, решив свой квартирный вопрос?».

САМЫЕ ЦЕННЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ – В МОЗГУ

Сказав много «теплых слов» про 1990-е годы (кстати, главную их особенность он, на мой взгляд, подметил точно – власть была куда менее «демократична», чем сегодня, в том смысле, что не имела такой, как сейчас, поддержки общества, отсюда и ее «вечные вздрагивания»), особенно в самом конце 1990-х), Сурков констатирует: «... в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробились по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации».

Речь, очевидно, идет о тех «молодых волках», которые, по законам социал-дарвинизма, матерели в рыночных джунглях начала 1990-х – то есть в первую очередь не о политиках и чиновниках, а о бизнес-элите. Правда, в последнее время идет мощное движение из бизнеса в политику – губернаторы Хлопонин, Зеленин, министры Левитин, Рейман и т. д. Кстати, и сам Сурков долго работал в бизнесе. Таким образом, бизнес-элита и политическая элита переплетаются, хотя о полном единстве, понятно, говорить не приходится.

Итак, «материал для формирования» есть. Но какие здесь встают трудности?

Как стране не превратиться в сырьевой, а еще и в психологический придаток передовых держав, в «пикник на обочине» для «белых джентльменов»?

Сурков опять и опять (это было и в его предыдущих докладах) повторяет: «Здесь есть одно лекарство, по большому счету, – формирование национально ориентированного ведущего слоя общества».

В самом деле, в открытом, глобальном мире что является реальной защитой суверенитета страны? Как стране не превратиться в сырьевой, а еще и в психологический придаток передовых держав, в «пикник на обочине» для «белых джентльменов»?

Сурков верно пишет, что времена изменились (смею думать – необратимо). И прямых военных угроз, против которых традиционно консолидировалась Россия, сегодня нет (опять же от себя добавлю – смею думать, и не будет в обозримом будущем). Готовиться к 22 июня 1941 года – занятие абсолютно тупиковое. Это значит – двигаться в XXI век задом наперед, а точнее не двигаться, а стоять в движущемся потоке, свернув шею назад...

Нет, оккупация России (как и никакой большой стране) не грозит. Не стоит тратить силы на привычную борьбу с призраками.

Между тем конкуренция в глобальном мире никуда, естественно, не испарилась, в том числе и национальная конкуренция. Причем эти конкуренции, эти технологии подавления «становятся все более сложными, все более, если угодно, мягкими и изощренными». Сурков цитирует статью Иосифа Бродского (что, кстати, любопытно само по себе – Бродский к числу «утвержденно-благонамеренных авторов» до сих пор едва ли относится). Так вот, Бродский: «Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической... где смысл победы – доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер, но торжество всегда будет национальным».

Глобальные финансовые, информационные потоки погранстолбами не разгородишь. В этом мире, где «сила силы меняется на силу слова», танками и овчарками страну не защитишь и ничего никому не докажешь.

По мере того как конкуренция железа уменьшается, конкуренция менталитета элит в мире резко возрастает. Кстати, ведь и нынешняя «война цивилизаций» есть прежде всего не военная, не экономическая, не политическая даже, а именно психологическая война, столкновение культур, представленных прежде всего элитами, с их ментальностью. Другой хре-

стоматийный пример: СССР развалился, сохраняя мощнейшую армию в мире, российская элита всю первую половину 1990-х считала своим почетным долгом просто побирушничать по белу свету, а ракеты и бомбы были нужны... как аргумент для выклянчивания милостыни у тех, против кого вся эта груда железа создавалась, – «подайте денег, а то окончательно развалится» (как уличный попрошайка – «дай рубль, а не то плюну, а я туберкулезный»). Горькая нужда? Но ведь, что особенно характерно, – когда что-то изменилось даже не в ценах на нефть, а в сознании элит, когда представители России стали говорить в мире немного иным голосом, когда перестали так много занимать у МВФ, ничего страшного не случилось. Наоборот – влияние страны только выросло. Значит, как всегда, – «разруха не в сортирах, а в головах», причины пришибленности были не столь уж объективны, они коренились прежде всего в менталитете «ошеломленной элиты» начала 1990-х.

Примат менталитета над «железом» относится не только к военно-политической сфере. «Объективную», материальную экономику угля/стали все больше сменяет «субъективная» виртуальная экономика знаний – по определению ясно, что в ней решающее место играет ментальный фактор. И речь идет не только о знаниях программистов и конструкторов. Если в менталитете высших менеджеров, высших руководителей страны есть такое «знание» – «наша страна – вечный аутсайдер, где нам суконным рылом в калашный ряд», то это их «знание» станет самосбывающимся пророчеством. А вот если у них есть «знание» того, что у страны действительно гигантский потенциал (знание не для ТВ-криков, а для себя!), то тогда... тогда картина другая. Победное знание куда труднее сделать самосбывающимся пророчеством, чем капитулянтское, но хотя бы есть шанс!

Менталитет элиты – да, сегодня это важнейший ресурс всякой нации во всем, в сфере безопасности, в экономике, в геополитике

Менталитет элиты – да, сегодня это важнейший ресурс всякой нации во всем, в сфере безопасности, в экономике, в геополитике. Россия – не исключение. Не случайно доклад Суркова так и называется: «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности». Судя по тексту доклада, я бы добавил «конкурентоспособности... элит, в огромной степени».

«КРЕПОСТЬ РОССИЯ» ИЛИ «ОФШОРНАЯ РОДИНА»

В менталитете российских элит Сурков выделяет два противоположных полюса.

Один раньше величали «оборонным сознанием»: помесь имперской мании величия и провинциальной мании преследования. «Назову их изоляционистами, потому что слово „патриот“, которое они сами к себе прилагают, я бы не пачкал об них. Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что и Запад – это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают...». Кстати, с моей точки зрения, эта позиция действительно часто декларируется представителями элиты, но скорее они это делают на распродажу – «пипл хавает». Широкие массы действительно легко «разводятся» на подобные страхи и ксенофобские эмоции – тут ведь работает почти биологический, племенной инстинкт «против чужака». Что же касается самих «патриотических элит», то образ жизни многих их представителей почему-то находится в полном противоречии с их шумными декларациями. Похоже, что «наркоторговцы ненавистью/страхом» наедине предпочитают «Мутон Ротшильд».

Второй полюс абсолютно непопулярен в широких массах (может быть, просто потому, что соответствующий образ жизни им недоступен?), зато более чем популярен в российских элитах – всех возрастов, национальностей, конфессий и профессий, которым он, наоборот, вполне доступен.

Сурков величает их «офшорной аристократией» (в другом своем тексте он говорил о «вахтовом методе управления страной» – намек вполне ясный). И уточняет: «Дело не в том, что он имеет счета в офшорах, пусть имеет. Но живет он ментально не здесь, не в России... То есть у них не только деньги в офшоре, но и голова там же». Звучит, как невольная евангельская цитата: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

Но парадокс заключается ведь в том, что подлинное сокровище тех самых «офшорных аристократов» находится вовсе не в лондонских особняках и реестровых записях в офшорах, а в нефтяных скважинах Тюмени, угольных разрезах Кузбасса, домнах Тагила, в московской/подмосковной недвижимости, которая «всегда в цене», и даже в головах российских программистов, если речь идет о владельцах еще редких у нас IT-компаний. Ни один наш предприниматель ничего более существенного, чем покупка футбольных клубов и яхт, на Западе так и не предпринял. Не прорвались в большой западный бизнес ни горькие старые русские эмигранты 1920-х, ни сладкие «новые русские» 2000-х. «Таких не берут в космонавты».

Таким образом, на самом деле оторваться от родной земли (даже если есть такое желание) – невозможно. Русский капиталист (любой национальности) без России – что русский писатель без русскоязычной среды. Потеряв эту точку опоры, любой миллиардер превращается в пух, в полукомическую фигурку вроде Березовского. Существовать как влиятельный член элиты, имеющий свой «проект», с которым считаются в мире, российский капиталист может только в системе российской элиты. Вне ее он при любой своей «крутизне» – просто «чужак (чудак?) с деньгами». Поэтому основания для патриотизма у капиталистов куда как весомые – прямо пропорциональные их капитализации. Их капитализация – хотят они или не хотят – неотделима от капитализации России, российского рынка в целом. Тут уж не идеология, не симпатии/антипатии – тут бытие.

Но ведь действительно бытие часто не определяет сознание! «Сокровище» в любом случае в России, а «сердце», приоритеты, долгосрочные планы, интересы – все равно вне России. Парадокс?

МОДЕРНИЗАЦИЯ СВЕРХУ

Сурков фиксирует эту проблему. И дает такой ответ: «Причем даже называя многих этих людей „офшорной аристократией“, отнюдь не нужно считать их врагами», потому что «у них есть масса причин так себя вести». То есть надо понимать так, что если «причины» отпадут, то и поведение элит изменится.

На самом деле глобальная причина одна – бизнес-элита в России не уверена в своем будущем в своей стране. Потому часто и чувствует себя «внутренними эмигрантами». Жуткое прошлое, да и сегодняшняя ситуация не такие, чтобы придать уверенности крупным капиталистам. И что же это – как часто говорят, государство душит, бюрократия душит в своих корыстных целях? Нет, утверждает Сурков, причина куда глубже.

«Когда говорят о противоречиях бизнеса и государства, это глубочайшее заблуждение. У бизнеса противоречия с обществом, потому что чиновник воспринимает сигналы от общества». Иными словами – если (когда) бюрократическая машина «наезжает» на крупный частный бизнес, она действует не только «корысти ради» (в этом бюрократию легко и часто винят), но и «волею пославшей мя массы избирателей, общества» (а вот этот момент критики власти стараются замалчивать).

Это действительно одна из серьезных и трудноразрешимых проблем.

На том месте, где должна быть «среднерусская возвышенность» мощного среднего класса, пролегает овраг, по обе стороны которого стоят и смотрят друг на друга «верхи» – и «низы»

У страны нет никакого будущего (точнее, есть – колониальное) без национальной элиты. Все объективные причины для «национализации сознания» элиты, для того, чтобы «офшорная аристократия» «выделалась» в полноценную национальную элиту, есть – но общество расколото, оно отторгает элиту, а элита боится общества. На том месте, где должна быть «среднерусская возвышенность» мощного среднего класса, пролегает овраг (на дне ручеек того самого среднего класса), по обе стороны которого стоят и смотрят друг на друга «верхи» – и «низы». Две России... Вечная проблема. А две страны в одной – это многовато даже для такой большой страны, как наша.

Каков выход?

Как сцементировать страну?

Традиционный ответ – свинтить административными гайками да затянуть их потуже, до хруста. Так и будет держаться... пока не заржавеет.

Ответ проверенный, вполне практичный. Только вот применим ли он в XXI веке?

Сурков предлагает более мягкий, вполне политкорректный вариант. «Нужно развивать нашу демократию, и здесь основные направления видятся в укреплении, конечно же, структур гражданского общества».

Сказать это легко, но вот можно ли построить гражданское общество «над оврагом», разрезающим общество?

Однако вполне банальный совет «развивать нашу демократию» в контексте всего вышесказанного наполняется достаточно внятным смыслом.

«Пути демократии не всегда прямые... Все знают о веймарских ротозеях, которые допустили к власти Гитлера. Демократическим способом. Предлагаю рот не разевать и не зевать. И не дать поклонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур. То же касается и поклонников национал-диктатуры».

Кто немного знает Владислава Юрьевича, понимает, что это не пустые слова. Он умеет ходить и «не всегда прямыми» путями, а вот «разевать рот и зевать», насколько известно, не склонен. И другим едва ли предоставит такую возможность.

Если же перевести эту иронически-простоватую речь (любимый стиль Суркова, иногда слегка пародирующий одного известного оратора, которого я из скромности не назову) на более сухую политологическую прозу, то мы сталкиваемся примерно с такой системой аргументации.

России нужно сделать «государственную прививку» для той жесткой, brutальной, конкурентоспособной элиты, которая «с честью вышла» из бешеной пены 1990-х на берег 2000-х. «Государственная прививка» – это ощущение надежности своего существования в своей стране, вера в «долгие проекты» в своей стране. Для этого нужна надежная, стабильная власть – залог стабильной страны. В открытом глобальном мире старые методы административной стабильности ненадежны и нестабильны. Поэтому – не для реверансов в чью-то сторону, а на самом деле – необходимо постепенное создание того самого гражданского общества, как показывает опыт, только и способного к саморегуляции. Причем гражданского общества в европейском смысле: Россия – страна европейская, многократно подчеркивает Сурков. Но это процесс «не всегда прямой». Опасность нестабильности, национал-популизма снизу + феодально-олигархические кланы сверху вполне актуальна. Отсюда мораль: управляемое сверху построение гражданского общества, в том числе с использованием структур ЕР. И при этом не быть «веймарскими ротозеями» и не допускать разрушения демократии демократическими методами.

Отсюда мораль: управляемое сверху построение гражданского общества, в том числе с использованием структур ЕР

В общем, эта идеология «либеральной бюрократии» для России хорошо известна. Она сводится к формуле Пушкина о правительстве «как первом в России европейце». Кстати, Пушкин писал про правительство Николая I...

* * *

Такую систему взглядов счел необходимым публично изложить один из ведущих идеологов Кремля. Во многом я бы с ней согласился (необходимость «национализации» элиты, опасность национал-популизма), во многом нет (главный вопрос – о внутренних противоречиях самой государственной машины, о «начинке» того самого «первого европейца»). Открытым остается и вопрос о том, каковы альтернативы такой стратегии.

Очевидно, у других людей будет совсем иное отношение к тем же идеям. Но, во всяком случае, прежде чем спорить, иногда не мешает понять. Что я и попытался сделать.

А. Проханов ФЕВРАЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ.

Сурков между Ильиным и Бродским

Недавно широкая общественность имела возможность ознакомиться со стенограммой доклада зама главы Администрации президента, ведущего идеолога Кремля Владислава Суркова. Доклад был зачитан 7 февраля сего года на собрании актива партии «Единая Россия». Цель доклада – донести до партийных кадров идеологические установки и, как выразился докладчик, «описать новейшую историю в оценках и под тем углом зрения, который в целом соответствует курсу Президента...». Прозрачный слог и бодрая интонация докладчика в целом соответствовали содержанию спича. Небесспорные суждения оратора тем не менее производили впечатление вменяемости. То есть, несмотря на администраторский пафос и ряд общих мест, доклад представляется наиболее цельным и последовательным изложением задач и позиции власти. В этом смысле правы те, кто считает Суркова эдакой «кремлевской звездой». Действительно, на тусклом небосклоне официозной политики Сурков смотрится весьма эффектно. Не исключено, что сам Владислав Юрьевич несколько страшится собственной эффектности и эффективности.

И в целом неясно, кто он – человек, отчаянно бегущий впереди паровоза государственной политики, или машинист, деловито управляющий этим самым паровозом. Если далее рассуждать в канве сугубо «паровозных метафор», то, выходит, мы слышали кроме привычного «чух-чух-чух-чух» на месте еще и звучный протяжный гудок. Что это? Предупредительный сигнал «прочь с дороги!» или приятный русскому уху звук отправления экспресса в неведомые пространства? В любом случае доклад Суркова, опубликованный под заголовком «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности» представляет собой не только некую «декларацию о намерениях» власти, но прежде всего демонстрирует уровень мышления, лексику и философию нынешней формации правителей.

«Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности» представляет собой не только некую «декларацию о намерениях» власти, но прежде всего демонстрирует уровень мышления, лексику и философию нынешней формации правителей

Газета «Завтра» уже писала о том, что патриотическая оппозиция, потерпев политическое фиаско, тем не менее победила на более высоком, идейном и смысловом уровне. Теперь, перефразируя Шардена, можно сказать, что власть выражает себя в наших имперских, патриотических терминах. Хорошо ли это? Иные скажут: «Державная риторика – суть декорации, прикрывающие грабеж природных ископаемых». Или: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев...». Возможно. Однако заимствованные у патриотов идеологические модели, политические лозунги и термины неизбежно способствуют изменению самого властного субъекта, генерируют новую общественно-политическую реальность вокруг и переводят обсуждение проблем, стоящих перед Россией, в определенный дискурс, совсем не либеральный. Не случайно же Сурков где-то говорит об «адептах либерального мракобесия».

Сурков позиционирует себя как государственника-западника, чуть ли не ученика Петра Великого. По Суркову, крушение Советского Союза – «бегство от реальности», но сегодня

«армия и военно-морской флот – основа национального суверенитета». Сурков цитирует излюбленного патриотами философа Ивана Ильина, заодно приводит интересную выдержку из трактата Иосифа Бродского.

Легкомысленно обосновывает тезис «Россия – это европейская страна», между делом бросая увесистые булыжники в оппозицию. Любопытно, что путинский админ в своем докладе подводит жирную черту под ельцинизмом. Клеймя на чем свет стоит «режим 90-х годов», противопоставляет олигархическому хаосу правильную эпоху Путина.

Самое ценное в докладе – четко обозначенная проблема отсутствия в России национальной элиты или, по выражению Суркова, «ведущего слоя» страны. Также предпринята небезытересная попытка сформулировать критерии нашего национального суверенитета. Представляется, что сама по себе постановка этих проблем на уровне зама главы президентской администрации является огромным шагом для общества и для самой власти.

Используя, как прием, практику вырывания цитат, мы вовсе не пытаемся составить дацзыбао для начинающих функционеров «Единой России» и не собираемся разбирать каждый спорный тезис, вступая в изнурительную полемику с путинским идеологом. Но мы хотим ознакомить читателя с духом и буквой доклада кремлевского стратега. Разумеется, отдельно взятые, вырванные из контекста цитаты могут производить странноватое впечатление. Впечатление некоего, так сказать, «сurreализма». Но таковы издержки не столько данного метода, сколько самой эпохи, в которой мы все пребываем.

Итак, Владислав Сурков...

О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

«Советский Союз благодаря своим мощным идеологическим усилиям стимулировал освобождение колоний, ускорил гармонизацию социальных отношений в самих странах Запада и этим самым оказал благотворное влияние на мировой ход истории».

«Мы пока мало сделали сами. Наши железные дороги, наши трубопроводы, наше жилищно-коммунальное хозяйство, наши заводы, наши ядерные силы – это все наследство Советского Союза».

«Россия является одним из пяти постоянных членов Совбеза ООН... это очень почетный статус. Хотел бы напомнить, что статуе этот добыт не нами с вами – он явился результатом итогов Второй мировой войны, в которой одержали победу наши отцы и деды. Это наше наследство».

О ОБРАЗОВАНИИ

«У нас же в некоторые вузы зайдешь – там такое услышишь на лекциях о России, там какие-то просто, с позволения сказать, неправительственные организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги пошли из какого-нибудь посольства взяли».

О ГЛОБАЛИЗАЦИИ

«Россия должна содействовать выработке справедливых правил глобализации. Надо препятствовать монополии одной или двух стран в любой жизненно важной отрасли, поддерживать создание новых резервных валют, новых транспортных и информационных систем, новых международных центров высоких технологий».

«Мне кажется, если Россия уйдет из глобальной политики, перестанет влиять на мировые решения, то скорее всего эти решения будут приниматься ей в ущерб».

ОБ ЭЛИТЕ

«... Одно из самых важных достижений 90-х, мне кажется, то, что в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации».

О ВЫБОРАХ 1996 ГОДА

«Мы помним... как между турами вдруг в некоторых регионах сказочным образом поменялись предпочтения, причем самым радикальным образом. Комментировать то, как это произошло, мы с вами не будем: понимаем, как».

ОБ ЭПОХЕ 90-Х ГОДОВ

«Никакой свободы, конечно, не было и в помине. Сейчас многие говорят, что тогда была свобода. Ну разве был свободен нищий человек? Вообще, что такое свобода? Помимо того, что это идея, это то, чем вообще-то надо бы пользоваться. Разве может обнищавший забитый человек пользоваться своей свободой?»

О РУССКИХ

«... Русские, россияне, уже 500 лет являются государство-образующим народом, мы нация, привыкшая к государственности. И в отличие от наших многих друзей по Советскому Союзу и многих других стран, мы всегда были носителями государственной идеи. Ясно, что некоторые страны, которые объявляют своей национальной идеей вступление в Евросоюз, очень счастливые страны: им много думать не надо. У них все очень просто. Москали плохие, они во всем виноваты, мы сейчас побежим в Брюссель, и там все будет хорошо. Надо помнить, что все эти нации ни одного дня в своей истории не были суверенными, они не имеют навыка государственного существования. Поэтому вполне понятно, что когда в Москве не сложилось или сложилось не так, как хотелось, они сразу же, не задумываясь, бегут к другому хозяину. Это нормально. Были провинцией одной страны, станут провинцией другой. Я не представляю себе русских, россиян, которые думают так же: „Сейчас мы в ком-то растворимся, к кому-то убежим, и там уж нас облакают, обогреют и будут нами руководить“.

О «ЕДИНОЙ РОССИИ»

«Японская либерально-демократическая партия около 40 лет доминировала и до сих пор является основной партией Японии. И шведские социал-демократы находились у власти непрерывно с 1932 по 1976 год. Ничего, нормально».

В. Третьяков

ДЕФИЦИТ ИДЕОЛОГИИ И ПОИСК СТРАТЕГИИ

В двух последних номерах «МН» мы опубликовали стенограмму выступления Владислава Суркова перед слушателями центра партийной учебы «Единой России». «МН» не первооткрыватель этого текста (выступление состоялось 7 февраля, а в конце февраля стенограмма была вывешена на сайте партии), но мы предали его широкой огласке, ибо до нашей публикации, как показывает реакция читателей, с содержанием выступления не были знакомы даже многие эксперты и политики, не говоря уже о публике как таковой.

А между тем и в политизированных слоях общества, и в экспертных кругах постоянно идет дискуссия о том, какова идеология «путинской России», доминирует ли в этой идеологии авторитаризм над демократией, или Кремль лишь авторитарно направляет страну по демократическому пути, или вообще в головах и словах политических руководителей России царит полная эклектика, а дела направляются эгоистическими интересами различных противоборствующих корпоративных группировок. Ясный ответ на все эти вопросы почерпнуть практически неоткуда. Сам Владимир Путин в своих как официальных выступлениях (послания Федеральному Собранию), так и свободных дискуссиях с журналистами бывает довольно противоречив.

Во всяком случае в такой оценке сходятся большинство экспертов.

Более того, иногда эксперты оценивают тексты президента прямо противоположно. Например, на Западе Путина квалифицируют как сторонника возрождения имперского величия России, хотя и рыночника (но при государственном доминировании в экономике), а вот внутренняя оппозиция (кроме чисто либеральной) обвиняет его в постоянном «предательстве интересов Родины» и подыгрывании Западу вообще и Вашингтону в частности.

Строго говоря, Владимир Путин является не идеологом, а политическим руководителем России, к тому же лицом сугубо официальным, то есть он функционально не может быть абсолютно откровенным. Все же остальные высшие должностные лица путинской команды удивительно скупы как на слова вообще, так и особенно на участие в каких-либо публичных дискуссиях или спорах. Смею утверждать, что сей факт является политически глубоко порочным, ибо любое его объяснение не с лучшей стороны характеризует сложившуюся у нас правящую элиту. А таких объяснений может быть всего три, и каждое следующее хуже предыдущего. Либо представителям этой элиты нечего сказать. Либо они постоянно что-то от нас скрывают.

Либо они боятся своего начальника.

Поиски национальной стратегии общество то ли ведет, то ли постепенно о них узнает из редких откровений кремлевских молчаливых

Владислав Сурков, считающийся едва ли не главным серым кардиналом (есть, говорят, еще два, но уже совсем молчаливые) внутренней политики России и модератором всех сопутствующих ей интриг, отвечающий к тому же за партийное строительство (незавидная, надо признать, доля), или, как я его называю, министр политических реформ в ранге заместителя главы Администрации президента, время от времени, но тоже нечасто, выступает публично или почти публично. И посему его тексты, как правило, очень идеологизированные и довольно откровенные, являются едва ли не единственным (после собственно президентских) источником наших знаний о той самой официальной идеологии России, дефицит которой все ощущают, и той самой национальной стратегии, поиски которой общество то ли ведет, то ли постепенно о них узнает из редких откровений кремлевских молчаливых.

Итак, мы имеем пространное выступление Владислава Суркова, раскрывающее доктринальную суть того, что принято называть в Кремле же придуманным (или утвержденным) термином «суверенная демократия».

Предлагаю вчитаться в текст этого выступления, прежде чем оценивать его, а главное – отрешиться от симпатий и антипатий к автору выступления. Есть ли в этом выступлении что-то пугающее или отталкивающее?

Сам-то я отрешиться от аксиологического подхода не могу, ибо почти год назад заявил, что мне нравится и сам термин «суверенная демократия», и его содержание.

Во-первых, меня привлекает слово «демократия», и я абсолютно согласен с тем, что при объективном подходе мы вряд ли обнаружим где-либо в современном мире идеальное воплощение классического и, видимо, оставшегося в далеком прошлом (античном) народовластия.

Поэтому требовать от демократически молодой России (тут я не согласен с г-ном Сурковым в том, что традиции демократии имеют у нас собственные глубокие корни, если, конечно, иметь в виду не общинную, то есть низовую, демократию, а государственное управление) большей античности, чем от Франции, Великобритании или США, просто нелепо.

Во-вторых, я абсолютно согласен, что заморское понятие «суверенитет», которое я предпочел бы без всякой политкорректности именовать его русским аналогом «самодержавие», то есть желание и умение самим определять свою судьбу и нормы жизни в своем обществе, «самим себя держать», является самостоятельной и неизбежной политической ценностью русских как нации и России как страны.

В-третьих, доктрина «суверенной демократии», или, по-моему, «самодержавного самоуправления», совсем не свидетельствует о том, что в России должна и может быть построена какая-то особо специфическая демократия, отличающаяся от классических западных демократий полным отсутствием демократии, но зато полным присутствием авторитаризма. Просто российская демократия может быть построена теми темпами и в той мере, которые требуются для сохранения целостности нашей страны и материально, и политически комфортного пребывания в ней большинства ее населения, которое к тому же надо бы резко умножить.

Российская демократия может быть построена теми темпами и в той мере, которые требуются для сохранения целостности нашей страны и материально, и политически комфортного пребывания в ней большинства ее населения

В-четвертых, я не считаю, что суверенность есть синоним политической конкурентоспособности, но для такой большой страны, как Россия, к тому же привыкшей последние 500 лет самой определять свою судьбу, суверенность есть необходимое условие политической, экономической и культурной конкурентоспособности.

Зато, в-пятых, я абсолютно согласен и с Владиславом Сурковым, и с ранее его это заявившим Владимиром Путиным, и со всеми другими, кто говорил это до них обоих, что конкуренция, или, проще, борьба за выживание, есть закон межгосударственных и даже, увы, межнациональных отношений.

В-шестых, конечно же, совершенной утопией было бы требовать от любого президента России построения идеальной или приближающейся к какому-либо идеалу демократии в разваливающейся стране прежде, чем он эту страну не соберет воедино. Такого президента просто свергли бы граждане России, если до того он бы не был свергнут ее правящим классом. А уж считать за образец демократии для России и в России или хотя бы отправную точку и того и другого ельцинский анархо-волонтаризм (первый срок) и олигархо-бюрократизм

(второй срок) смешно, а западноевропейский цивилизм – глупо (хотя последнее – хотелось бы).

В-седьмых, я почти полностью не согласен с Владиславом Сурковым в его оценке собственно партийно-политического расклада России, но, в отличие от него, я вообще не верю, что в нашей стране можно создать аналогичную что Германии, что Швеции, что Японии партийную систему. Правда, в мои служебные обязанности ни такая вера, ни тем более задача создания такой системы не входят. И в этом смысле я, конечно, более свободен, чем Владислав Сурков при всем его административном могуществе. В-восьмых, и на этом я остановлюсь, меня смущает крайне упрощенная и явно полная многих умолчаний трактовка национальных проблем в России в выступлении г-на Суркова. Но я понимаю, что в трактовке этой, видимо, самой деликатной части национальной стратегии России Владислав Сурков при любом публичном выступлении (даже в самом узком кругу) не может забывать о своем официальном статусе.

Наконец, не могу не отметить и забавный (или печальный) финал выступления Владислава Суркова. Он убеждает партийный актив «Единой России» в том, что у данной партии есть идеология, и даже указывает, где ее элементы можно найти. Такое внешнее и, видимо, вынужденное ориентирование партийцев начала XXI века в «трех источниках и трех составных частях» их собственного учения, на мой взгляд, напоминает одновременно и сизифов труд, и гениальный ленинский ликбез. Можно ли таким образом создать новую элиту, о желанности появления которой говорит сам г-н Сурков? На этот вопрос я отвечаю скорее отрицательно. Ибо на одно его выступление приходится сотни часов вещания нашего телевидения и проходящих по его каналам прямо противоположных по идеологии и эстетике продуктов массовой культуры. Я уже не говорю о самой реальности, выживание, а тем более преуспевание в которой пока, увы, требует не совсем того или даже совсем не того, к чему призывает Владислав Сурков. И в этой ловушке плюрализма (отменять который тоже нельзя) мы так и будем крутиться еще лет десять – пятнадцать.

И только к концу этого срока есть шанс получить естественно непротиворечивую генеральную линию не только для «Единой России», что меня волнует мало, но и для России вообще, что действительно важно.

С. Батчиков СОДОМ И ГОМОРА

СТРАННАЯ ЛОГИКА ИЛИ БЕГСТВО ОТ БЕЗОПАСНОСТИ

В феврале месяце с. г. В. Ю. Сурков прочитал активу «Единой России» лекцию, в которой дал идеологические установки на предстоящий период. В слегка прикрытом виде, разбросанными по тексту намеками он очертил также суть проекта нынешней властной верхушки на среднесрочную перспективу.

Доклад этот сделан в канонах многозначительных программных заявлений Сталина – с поправкой на ситуацию и масштаб стоящих перед партией задач. Сталин, начиная индустриализацию, говорил: «Нам надо пройти за десять лет путь, который Запад прошел за сто лет, иначе нас сомнут». В. Ю. Сурков тоже говорит о необходимости мобилизации, видя такую угрозу для России: «Просто разденут до последних ботинок, политкорректно, при всем уважении. Это нормально. Мы должны к этому спокойно относиться и не обижаться ни на кого. Надо просто самим быть конкурентоспособными». Что ж, такое время на дворе, тогда надо было сбросить Родину, теперь – ботинки.

Сталин говорил, что для организации людей на такое дело, как индустриализация, требуется партия – «орден меченосцев». В. Ю. Сурков тоже ставит перед «Единой Россией» почти невыполнимую задачу: «Нужно создавать целый класс агитаторов, которые способны, примерно хотя бы как я сегодня, изложить наши позиции, обсудить, подискутировать».

Сталин говорил, что по мере выполнения проекта («строительства социализма») будет нарастать классовая борьба. Борьба реальная, с разрушениями и кровью. Он как будто видел, как Уралмаш захватывает Каха Бендукидзе, как льется кровь в Нагорном Карабахе и Бендерах, как от танковых залпов горит Дом Советов в Москве.

В. Ю. Сурков в своем проекте предвидит такой же ход событий: «По мере развития демократии информационная борьба обострится. Борьба за умы». Виртуальному проекту – обострение виртуальной борьбы! Если выступления Сталина были зеркалом, отражающим реальность, то зеркало В. Ю. Суркова отражает Зазеркалье.

И тем не менее доклад В. Ю. Суркова – зеркало, а не черная дыра, которую создавали речи Ельцина. Важную информацию можно получить и из отображения Зазеркалья. Есть признаки проекта!

Не вполне понятно, впрочем, почему такой судьбоносный проект оглашает не президент, а его помощник, но знаменательно уже то, что выступление это сигнализирует: процесс клонирования КПСС («без коммунистов и Советского Союза») близок к завершению. В. Ю. Сурков выступает как секретарь по идеологии. Он требует, чтобы партия была способна «излагать ее позиции» не как кому в голову взбредет, а «примерно хотя бы как он сам». Это, впрочем, задача уж совсем невыполнимая.

Попытаемся выявить суть проекта. Задача это непростая, ибо суть скрыта многослойными оговорками и «отрицанием отрицания». Это уже даже не диалектический материализм, который в СССР могли понять два-три человека. Это диалектический постмодернизм, которого даже академик Ойзерман не поймет. Каждый тезис здесь, как изречение даосов: «То инь, то янь, это и называется путем».

Добро и зло – это одно и то же, зависит от того, как посмотреть. А уж Бог и дьявол – просто две ипостаси нашего господина, что-то вроде доброго Воланда.

Единство и борьба противоположностей, налитых в один флакон. Как тут обойтись партии, даже такой виртуально-интеллектуальной, без образа нового Суслова.

Но ведь для кого-то говорит В. Ю. Сурков! Значит, есть у нас «по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации». Надо представить себе, как они поняли сигнал, данный В. Ю. Сурковым, иначе новые запланированные бедствия или блага обрушатся на наши непосвященные головы внезапно, как снег из снеговых пушек.

Но подходить к такой реконструкции текста надо осторожно, человек с обычной логикой может и свихнуться от необходимого для такой работы расщепления сознания. Пройдем этот путь в два этапа. На первом разберем утверждения В. Ю. Суркова, пользуясь обычной аристотелевской логикой и обычным здравым смыслом. На второй стадии попытаемся ввести в каждое умозаключение порцию диалектического постмодернизма (или, как теперь говорят, квантовой психологии).

Итак, что видно не вооруженным квантовой психологией глазом?

1.

Для трактовки новой идеологии В. Ю. Сурков применяет исторический подход, с этого и начинается: «Думаю, что наиболее удобная форма донести основные идеологические тезисы – это описать новейшую историю в оценках и под тем углом зрения, который в целом соответствует курсу президента, и через это сформулировать наши основные подходы к тому, что было раньше, и к тому, что будет с нами в будущем».

Здесь подчеркивается, что речь не идет о мало-мальски достоверной истории нашей страны в XX веке, а об «истории» как оболочке, в которой «наиболее удобно донести идеологические тезисы». И историю эту докладчик описывает «в оценках и под тем углом зрения, который соответствует курсу президента». Какая небывалая откровенность – открыто заявить, что «партия власти» исходит из фальсифицированной истории.

Для трактовки новой идеологии В. Ю. Сурков применяет исторический подход

Таким образом, вместо исторического анализа, необходимого для преодоления тяжелейшего кризиса нашей истории, власть сознательно делает ставку на оглушение масс быстро состряпанными историческими мифами. Это заведомо тупиковое направление, в пространстве которого те мифы и образы, которые выработают кремлевские лаборатории, заведомо проиграют мифам этнонационализма, которые сегодня фабрикуются на окраинах и в столице России и разрывают ее целостность, пока что начиная с культурной.

О конкретных разрушительных для России мифах, в которые завернул свои идеологические тезисы В. Ю. Сурков, скажем ниже.

2.

В. Ю. Сурков задает главные критерии, которым, по его мнению, подчиняется существование больших систем – цивилизации (европейской) и страны (России) как части цивилизации: «Развитие европейской цивилизации, частью которой является цивилизация российская, показывает, что люди на протяжении всех наблюдаемых эпох стремились прежде всего к материальному благополучию... Именно материальный успех, свобода и справедливость составляют основные ценности, которые мы с вами разделяем».

Этот взгляд не просто является чисто идеологическим (либеральным в его самом вульгарном изложении), но и совершенно ложным, антисистемным – с точки зрения логики нормальных систем, с этой стороны зеркала.

Первой фундаментальной ценностью любой человеческой системной общности (страны, народа) является ее жизнь. Это ограничение, невыполнение которого обесценивает все остальные блага.

Идеологическая доктрина, изложенная В. Ю. Сурковым, исходит из методологического индивидуализма

Материальный успех семьи теряет смысл, если семью вырезают бандиты. На политическом уровне это означает, что обеспечение безопасности страны, гарантия сохранения народа и продолжения его жизни в будущем – главная обязанность государства, условие легитимности его власти. Об этой ценности высшего порядка В. Ю. Сурков ни разу не упоминает в своей лекции. Как подсказывает здравый смысл, умалчивает он потому, что избранный нынешней властью курс не удовлетворяет данному критерию, он ставит под угрозу само существование народа России. Вымирает народ, особенно быстро русские. Они оказались неэффективными и должны уйти в инобытие.

В стремлении изъять из своей идеологии саму мысль о фундаментальной, даже экзистенциальной сущности государства и цивилизации В. Ю. Сурков доводит статус потребительства до гротеска. Он пишет о Советском Союзе: «Кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ? Вполне естественно, что она распалась».

Вот новая шкала приоритетных ценностей для России: хлеба и зрелищ. Если «Клинское» пиво не будет вкуснее баварского, а стриптиз в Рязани не станет более соблазнительным, чем в Лас-Вегасе, то кому будет нужна Россия? Пусть и она распадается.

По сравнению с «хлебом и зрелищами» победа в Великой Отечественной войне – ничто! Тут было бы уместно процитировать «Легенду о Великом инквизиторе».

В. Ю. Сурков как будто прямо с Достоевским разговор ведет, как дьявол с Богом в пустыне.

3.

В основе любой идеологии лежит представление о человеке. «Что есть человек?» – ключевой вопрос идеологии. Вся идеологическая доктрина, изложенная В. Ю. Сурковым, исходит из методологического индивидуализма. Материальный успех, свобода и конкуренция – ценности индивида (справедливость, в контексте В. Ю. Суркова, – также). Успешные индивиды могут получить эти блага даже после гибели России и рассыпания ее народа.

В обоснование В. Ю. Сурков привлекает выдержку из Бердяева. Но Бердяев – философ многогранный, причем несколько раз менявший свои установки. Сдвинувшись от марксизма к либерализму, он вообще на время впал в социальный расизм и под свободой и справедливостью понимал свободу и справедливость для элиты.

Он писал: «Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора... „Просветительное“ и „революционное“ сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование „белой кости“ есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».

В нынешней России возникло пока еще скрытое (благодаря полной монополии элиты на СМИ), но уже осознанное и непримиримое столкновение ценностей – индивидуализма и солидарности. На какой стороне этой баррикады находится В. Ю. Сурков? Судя по всему тексту лекции, он находится, вместе с Бердяевым, на стороне «белой кости», индивидуалистической элиты.

4.

Суть всякой идеологии выдает язык, свод используемых понятий. Понятия – это не просто термины, в идеологии важен тот смысл, который в них вкладывается.

Манипулируют красивыми словами и возбуждают эмоции агитаторы, а не идеологи.

Одно из главных понятий, которые связывают выступление В. Ю. Суркова, – демократия. Оно использовалось уже с начала перестройки, причем с каждым новым этапом продвижения по пути реформ смысл его менялся, так что к концу 90-х годов в отношении системы власти РФ стал употребляться термин «олигархия». Об этом необычном для развитых стран государственном устройстве В. Ю. Сурков говорит так: «Это ведь действительно власть не многих. Это даже не тысячи людей. Это единицы людей. Их всех можно по пальцам пересчитать. Они не представляли не только большинства, которое, безусловно, теряло от реформ и переживало их очень болезненно, но они и не представляли, хотя это странно звучит, даже обогащающееся меньшинство».

Одно из главных понятий, которые связывают выступление В. Ю. Суркова, – демократия

Описанная в таких терминах система власти обычно называется даже не олигархией, а хунтой, когда власть принадлежит небольшой группе лиц, соединенных корпоративными или кооперативными связями. И структурно, и функционально этот тип власти отличается от демократии кардинально, что и признает сам В. Ю. Сурков: «Вместо общественной дискуссии мы получили сплошные придворные интриги...»

Свобода слова тоже имела особый смысл: ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп и большей частью использовались для вышибания новых объектов госсобственности и участия в разделе таковых». О выборах и говорить нечего – все мы помним 1996 год.

Какова же общая оценка, данная В. Ю. Сурковым политическим действиям власти за истекший период реформ? Он сказал то, что давно известно всем в России: «В результате все основные идеи демократии были искажены». Ни прибавить, ни убавить!

Ясно, что реформа завела нас вовсе не туда, куда стремилось большинство граждан.

Ошибка вышла!

Это самое главное идеологическое утверждение всего доклада. Оно могло бы стать основой для выработки идеологии, действительно способствующей восстановлению хотя бы минимального единства общества. Ведь если ошибка признана властью, должна последовать выработка программы действий, эту ошибку исправляющих. Прежде всего действий, устраняющих причины, которые нас загнали в такое плачевное состояние. Но тут в докладе провал, черная дыра. Весь смысл доклада сводится к тому, что какое-то время после Ельцина в РФ еще была олигархия, но теперь она превращается в самую настоящую демократию. Ничего, что олигархи остаются губернаторами, ведь теперь их назначает президент. Ничего, что Абрамовичу государство отдало Сибнефть за 100 млн. долларов, а выкупило за 13 миллиардов.

Ведь выкупило! Разве это не признак демократии?

Иными словами, суть государственного устройства представляется совершенно не зависящей от социально-экономической структуры общества, распределения собственности и доходов, контроля над финансовыми потоками и другими средствами господства – от того, что называется системой фактической власти. К кому в РФ можно обратиться с такой идеологией? Только к тому маргинальному меньшинству, которое до сих пор верит в «доброту царя» или мечтает о воскрешении Сталина.

Если же и находятся в докладе указания на какие-то реальные действия, которые должна совершить партия для прыжка из олигархии в царство демократии, то эти указания очень туманные и неуверенные. Вот самые конкретные из них: «Предлагаю рот не разевать и не зевать. И не дать сторонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур. То же касается и поклонников национал-диктатуры». Какую демократию стараются «разрушить» сторонники и поклонники? Когда она возникла, какого числа? Когда мы «вместо придворных интриг получили общественную дискуссию» и почему этого никто не заметил? Какие «демократические процедуры» теперь считаются опасными для демократии? Всем понятиям здесь придан туманный смысл, а это и означает, что существенных изменений в этом плане не произошло.

Не предполагает реальных изменений в базисе общества и новая политическая технология, на которую власть возлагает какие-то надежды, – национальные проекты.

В. Ю. Сурков говорит о них очень кисло: «[Национальные проекты] это не раздача денег, это попытка выработать новые подходы в реализации политики по основным направлениям... Мы должны добиться того, чтобы на селе и в нашей высшей школе, и в средней школе, и в медицинских учреждениях мы бы смогли за этот период уже показать какой-то результат».

Далее косметического ремонта сложившейся в 90-е годы олигархической надстройки над государством идеология В. Ю. Суркова не идет.

5.

Через любую идеологию как через один из главных мотивов проходит представление об обществе, о его структуре и противоречиях, существующих между его частями.

В политике самым красноречивым является молчание, это едва ли не самые информативные части выступлений. В. Ю. Сурков явно стремится создать видимость отсутствия в российском обществе структурных единиц и наличия между ними противоречия и тем более конфликта интересов и идеалов. В РФ нет вроде бы ни классов, ни социальных групп, ни этнических общностей, противоречия между которыми и составляют содержание общественных процессов.

***Через любую идеологию как через один из главных мотивов
проходит представление об обществе, о его структуре и противоречиях,
существующих между его частями***

Есть лишь несколько злонамеренных олигархов, увозящих деньги в офшоры. Есть учителя, страдающие от недостаточно высокой зарплаты, есть «самодеятельные и амбициозные коммерческие руководители» (каков язык!), в Чеченской Республике есть шайка уголовников, поднявшая мятеж. А в общем – социальная благодать (хотя, «конечно, не в плюс демократии – бедность»). Живут, дескать, в России лишь богатые и не очень богатые люди. Ну, кое-где порой гармонии не хватает – то инь, то янь. «У нас не выработано консенсуса в обществе по оценке недавних событий», – В. Ю. Сурков упрекает партию за эту недоработку. Надо будет партии этим заняться: «Если отношения между богатыми и не очень богатыми людьми в нашей стране не нормализуются, у нее нет будущего. И мы должны с вами все сделать для того, чтобы эти отношения гармонизировать, хотя это очень трудно». Что ж, большевикам к трудностям не привыкать. Ведь большевики – «наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами».

***Любая идеология включает в свою структуру раздел, обозначающий
цивилизационный вектор общества***

Утверждение В. Ю. Суркова о том, что в условиях глубочайшего кризиса и раскола общества в РФ удалось «синтезировать» интересы всех его частей, есть беспрецедентный перл новой социальной философии Московского Кремля. Стоит вдуматься в глубинный смысл этого утверждения, обращенного к партии власти: «Забудьте о том, правые вы или левые. Партия общенациональная, и здесь синтезированы, как и в обществе, разные интересы. И у нас есть место и бизнесменам, и рабочим, и учителям, и врачам, и военным – всем». Вот тебе, бабушка, и гражданское общество, демократия и парламентаризм! Нет ни правых, ни левых, интересы синтезированы, партия общенациональная! Одна почва, один народ, один президент!

Как это понимать? Кредо тоталитарного общества – при прославлении конкуренции и отрицании государственного патернализма! Полная несовместимость частей одной идеологии. В какой части этого расщепленного пространства действительно находится сам В. Ю. Сурков?

6.

Любая идеология включает в свою структуру раздел, обозначающий цивилизационный вектор общества. Даже в рамках универсалистской концепции Просвещения признавалось различие цивилизаций («Запад есть Запад, Восток есть Восток»), а уж сейчас, «на поминках по Просвещению», евроцентризм выглядит просто анахронизмом.

И как нелепо на фоне всего происходящего выглядит сегодня восхищение «демократичностью Запада». Для чего В. Ю. Суркову это подобострастие? Подумать только: «И насколько „гвоздями вбиты“ основные ценности демократии гражданам США, Англии, Франции. Их ночью разбуди – они вам начнут рассказывать про права человека и так далее». Да, рассказывать про права человека они мастера – этому должен у них научиться «целый класс агитаторов» «Единой России»?

Проблему с цивилизационным вектором В. Ю. Сурков решает просто – он объявляет: «Россия – это европейская страна... Мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны. Если заглянуть в глубь веков, увидим, к примеру, была реформация в западном обществе. Но у нас тоже именно в эту эпоху было знаменитое брожение в Церкви, движение нестяжателей».

Это уже совсем Зазеркалье. Ну ладно Данилевский, Тойнби, Питирим Серокин – наплевать и забыть. Но ведь сам же В. Ю. Сурков ссылается на Бердяева и Ивана Ильина! Их кости возмущенно стучат в гробу. Как это «мы проходили тот же путь»?

Мы шли Крестовым походом на католиков? Запад триста лет изнывал под татарским игом, а потом овладел евразийской империей Чингисхана? Запад пережил нашествия, как Россия нашествие поляков, Наполеона и Гитлера? Россия выполняла «план Маршалла», а Запад – программу МВФ? На Западе была Великая Октябрьская социалистическая революция?

Но даже если он санкционировал, требуется еще согласие самой Западной Европы.

Ничего себе сюрприз! Здравствуйтесь, я ваша тетя, я приехала к вам навсегда! С XVI века было сказано, что для Европы «русские хуже турок», и с разной степенью политкорректности этот тезис повторяется до сих пор. Никогда Запад в цивилизационном смысле не считал Россию Европой, он ее ненавидел или уважал как особую самобытную цивилизацию – Евразию. Кто и когда в Кремле решил лишить Россию статуса цивилизации? Это ведь не шутка, сгоряча такое не скажут.

Идеология должна заявить те фундаментальные ценности, приверженность к которым консолидирует общество и обеспечит «культурную гегемонию» политическому строю

Да и вчитайтесь в единственный довод, который В. Ю. Сурков приводит в обоснование своего странного тезиса: «В западном обществе была реформация, а у нас тоже что-то было вроде этого – движение нестяжателей». Реформация – это гибель 2/3 населения германских земель, это один миллион сожженных ведьм. Это победа протестантов, положившая начало современной западной цивилизации! Ну можно ли ставить с этим на одну доску маленькую ересь, которую одним ногтем подавил Иосиф Волоцкий!

7.

Идеология должна заявить те фундаментальные ценности, приверженность к которым консолидирует общество и обеспечит «культурную гегемонию» политическому строю.

В. Ю. Сурков назвал три ценности – материальное благосостояние, свобода и справедливость. Содержательным здесь является лишь понятие материального благосостояния. Понятия свободы и справедливости в разных культурах не просто различны, но зачастую противоположно направлены. Поскольку в докладе В. Ю. Суркова слово «конкуренция» (и его производные) встречается 12 раз, а слово «равенство» не встречается ни разу, речь идет о свободе и справедливости «сильных». Весь доклад проникнут нищенским духом. Выбросив равенство, В. Ю. Сурков порвал и с европейским Просвещением. Уже Аристотель писал: «Общественная жизнь держится справедливостью, а последняя больше всего сводится к равенству». Аде Токвиль признавал расщепленность буржуазного сознания в таких выражениях: «Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство».

Идеологическая подкладка под отрицанием равенства – социал-дарвинизм. Заложив его ценности в ту мировоззренческую матрицу, на которой предполагается мобилизовать общество для нового проекта, нынешняя власть отказывается от диалога и поиска компромисса. Видимо, считается, как и во времена ельцинских «Содома и Гоморры», что большинство «слабых» можно будет обмануть или запугать.

Недальновидно!

Однако и нищенство у В. Ю. Суркова приземленное, почти ползучее. «Белокурая бестия» отвергала равенство и христианскую «любовь к слабым», но хотя бы горела богоборческой страстью прогресса и совершенства. А тут идеал общества потребления. «Хлеба и зрелищ!» – вот потолок претензий плебеев и люмпенов.

Даже к демократии здесь отношение потребителя: «В демократическом обществе жить все-таки комфортнее». Значит, даешь демократию! «Быть самостоятельной нацией просто выгодно». Значит, даешь независимость! Это – в чистом виде идеология потребителя, homo economicus из среднего класса. Нет, в таком виде мы никакие не наследники Советского Союза! И место наше с такой идеологией – в мировом периферийном загоне.

8.

Идеология, которая призвана обосновать, легитимировать образ будущего и проект перехода к нему, обязана дать оценку предыдущему этапу и настоящему моменту. Здесь В. Ю. Сурков начинает вещать туманно, как даос. Зафиксируем главные положения, оставив пока в стороне вопрос об отношении к советскому строю.

Предыстория настоящего момента, в который и начинается «проект», известна как ельцинизм, «безумные 90-е».

Трактовка этого периода В. Ю. Сурковым прежде всего сводится к тому, что это был «переход на верный путь». Он говорит: «Российский народ сам выбрал такую судьбу – он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел. И он попытался вернуться к демократическим ценностям... Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики – это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь».

Тут, конечно, большая натяжка. Ничего сам российский народ не выбирал, 76% проголосовали за сохранение СССР. Никто и не спрашивал согласия народа на смену общественного строя, на изъятие всех сбережений населения и пр. Другое дело, что народ не был готов организовать для реального обсуждения проекта Ельцина и волеизъявления, и этим его состоянием воспользовались. Но сейчас речь уже не об этом.

Вопрос в том, почему В. Ю. Сурков считает этот путь «верным»? Что хорошего получили народ и страна от этого «выхода на верный путь»? Сам он перечисляет такие формы уплаченной за это благо цены: «Потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики – это жертва, это цена». Ничего себе, цена. Разве о ней договаривались? Это обман колоссального масштаба, и называть эту сделку разумной и верной – признак ложности всей идеологической конструкции.

Если и «Единая Россия» начнет излагать эту идеологию «примерно так же», ее ждет заведомый крах. Что за дикая идея – явную историческую ошибку называть «выходом на верный путь»!

Но куда же, по мнению самого В. Ю. Суркова, дошла страна по этому «верному пути»?

Тут В. Ю. Сурков дает очень эмоциональную оценку, которая более или менее соответствует общему мнению народа. Он говорит: «Вместо того чтобы двигаться к демократии, мы получили то, что справедливо названо олигархией... Если то, что я описал, есть демократия и если это есть свободное и справедливое общество, то что же такое тогда Содом и что в таком случае Гоморра? Никакой свободы, конечно, не было и в помине. Сейчас многие говорят, что тогда была свобода. Ну разве был свободен нищий человек?»

Слышали мы о странностях нового мышления, но такого наша фантазия предположить не могла. Из нашего вполне благополучного советского дома, где мы жили без нищеты, терроризма и глумящимися над совестью проституцией, педофилией и наркоманией, нас привели в Содом и Гоморру – и говорят, что это для нас и есть верный путь!

9.

Любая идеология может быть воспринята значительным сектором общества лишь в том случае, если она в языке и в логике, принятых в данной общности, отвечает на вопрос: «Как мы дошли до жизни такой?» Иными словами, объяснительная модель идеологии должна быть адекватна типу той рациональности, в рамках которой мыслит паства.

Объяснительная модель идеологии должна быть адекватна типу той рациональности, в рамках которой мыслит паства

Объяснительная модель, предлагаемая В. Ю. Сурковым, этому критерию не отвечает. В РФ нет социальной группы, рациональность которой соответствовала бы объяснениям В. Ю. Суркова. Возможно, на собрании актива «Единой России» эти объяснения были встречены бурными аплодисментами, и аудитория стоя кричала: «Ах, как это верно сказано!» Но идеология – это один из доменов системы знания. Это вещь посерьезнее, чем аплодисменты даже такой «общенациональной» партии.

Посудите сами. Действия политического режима, пришедшего к государственной власти в 1991 г., за несколько лет превратили дееспособную страну (великую державу) в «Содом и Гоморру». Действия эти можно перечислить, они оформлены документами – подпись, дата. Сопротивление этим действиям подавлялось с помощью государственного насилия (дубинки ОМОНа, залпы танков и пр.). А объяснение В. Ю. Сурков дает такое: «Государственная власть везде отступала, это было бессистемное бегство от ответственности. Даже провозглашалось, что государство есть зло».

Ну где тут логика, хотя бы и диалектическая? Перед кем власть «везде отступала»?

Перед пенсионерами, учителями, вкладчиками Сбербанка, Верховным Советом РСФСР?

Перед референдумом? Нет, власть везде наступала, причем агрессивно.

Государственная власть жестко, тоталитарными методами вела реализацию своего дикого проекта – и сейчас ведет. То, что за содеянное эта государственная власть отвечать не собирается – факт. Но в этом его «бегстве» нет ничего бессистемного, в нем выражено именно системное кредо этого типа государственной власти.

Утверждение, что это государство «есть зло», как раз представляется разумным («Содом и Гоморра» вместо России – его рук дело, не так ли?). Но именно эту крупницу разума В. Ю. Сурков изображает как глупость: «Даже провозглашалось...»

Да, ельцинизм как редкостная разновидность государственной власти большинством граждан воспринимался как зло (даже теми мародерами, которые этим злом пользовались: они же не идиоты, такое зло от добра отличить могут). У этого зла были фундаментальные установки, реализация которых и причинила стране страшные травмы. Идеология, дающая объяснение этому «Содому и Гоморре», обязана назвать эти фундаментальные установки, которые новый проект обещает искоренить из мыслей и действий новой власти. Что же нам называет в качестве главного зла ельцинизма В. Ю. Сурков?

Читаем: «Ни для кого не секрет, что целые министерства, регионы, партии находились под контролем отдельных финансовых групп, причем под самым прямым и буквальным контролем. Может быть, ничего плохого в этом и не было бы, если бы это не было абсолютной подменой понятий».

Каких понятий? При чем здесь понятия, кого они волнуют? Теневая власть денежных мешков, с их уголовной философией, разрушила страну, жизнеустройство населения, национальное общежитие множества народов! Она разрушила реальность, а нам говорят, что все это было бы неплохо, да вот в мире понятий наломали дров.

Горшок с дерьмом называла демократией, а это подмена понятий.

Или вот из той же оперы: «В чем, собственно, проблема олигархии? Прежде всего она нелегитимна по определению, потому что конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег».

Вот, оказывается, почему не любит народ олигархию – она нелегитимна! А народ у нас к этому очень чувствителен. Легитимность для него – первое дело. Всем бы ему олигархия была по душе, но вот беда – конституцией не предусмотрена, поэтому народ ее и не любит.

А вот едва ли не главный вопрос к партии В. Ю. Суркова, которая обещает неизменность курса реформ. Общество буквально кричит: «Вы обещали с помощью приватизации превратить неэффективную плановую экономику в эффективную рыночную».

В действительности приватизация обрушила производство. Как можно продолжать тот же курс?»

В. Ю. Сурков дает на это такой ответ: «Глубина экономического падения вам известна: у нас фактически наполовину рухнул валовой продукт... Приватизация, в целом явление благотворное, в ряде случаев делалась по странным схемам, и, конечно, очень трудно и практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы».

Это – ответ из Зазеркалья. Бесполезно рассуждать дальше, пока мы с ним не разберемся. Посмотрите на точные данные по динамике всех процессов в хозяйстве России. Очевидно, что приватизация подорвала производственную базу народного хозяйства, причем подорвала фундаментально и хищнически: общий урон многократно превышает поживу меньшинства. Как можно такую акцию назвать «в целом явление благотворное»? Да, перегрызть горло лошади и выпить стакан ее крови – «в целом явление благотворное» (для волка!). А критиковать волка можно только за то, что убивает он лошадь по странным схемам.

Наивно утверждать, будто «практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы». Все прекрасно знают, чем они были, и сам А. Б. Чубайс этого не скрывает. Акция эта довольно хорошо изучена и в РФ (см. доклад Счетной палаты), и на Западе, где ей уделил существенное внимание в своей последней книге лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц. К чему все эти реверансы и умолчания! Не может «Единая Россия» затрагивать эти эпизоды 90-х годов, так лучше прямо об этом и сказать. Мол, что с возу упало, то пропало. Не будем затевать свару, лучше перевернем эту страницу истории и выправим, что можно, без драки.

В. Рудаков

ИДЕОЛОГИЯ ВОСЬМОГО ГОДА

За два года до завершения президентских полномочий Владимира Путина Кремль в общих чертах сформулировал и обнародовал новую государственную идеологию России. Основные тезисы – сплочение граждан вокруг власти для защиты суверенитета, укрепление управляемой демократии и возрождение некогда поколебленного «былого величия России» – уже давно нравятся народным массам.

Поэтому, полагают авторы идеологии, со временем она может перерасти в полноценную национальную идею.

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Плоды идейных исканий только последних трех месяцев впечатляют. Речь замглавы президентской администрации Владислава Суркова перед активистами «Единой России», словно по команде, растиражирована во многих газетах и журналах. Популяризация (хоть и в огрубленной форме) «сурковских тезисов» в книжке «Путин: его идеология», рекомендованной, кстати, «для систем партийной учебы». Появление идеологических манифестов «правого и левого крыла» ЕР (так называемые социальный консерватизм и либеральноконсервативное видение будущего России). Плюс многочисленные публикации на модные ныне темы – «что такое суверенная демократия» и «в чем залог энергетической безопасности».

Все это верный признак того, что в общих чертах «идеология Путина» уже создана. Осталось лишь отшлифовать формулировки, после чего предъявить массам в виде некоего «канонического» текста. Поговаривают, что таковым может стать очередное – на этот раз якобы «чисто идеологическое» – Послание президента Федеральному собранию.

В России давно принято полагать, что население хоть и может существовать без какой-либо идеи, но государству Российскому от такого существования одни убытки

Однако уже сейчас ясно: получится нечто, с одной стороны, напоминающее идеологию власти (можно было бы назвать ее и государственной идеологией, однако последняя в России запрещена Конституцией – п. 2 ст. 13), а с другой – претендующее на высокое звание национальной идеи.

Что поделать: в России давно принято полагать, что население хоть и может существовать без какой-либо идеи, но государству Российскому от такого существования одни убытки – от имиджевых и статусных до экономических и территориальных. И отсюда – неистребимые попытки власти во что бы то ни стало нащупать эту самую национальную идею. А нащупав, тут же внедрить ее в массовое сознание.

Кстати, опыт Российской империи и СССР свидетельствует: иногда эти «нащупывания и внедрения» приносят заметный результат – государство достигает определенных результатов (прирастает территорией, выигрывает войны, выходит на новый уровень научно-технического прогресса и т. д.). Впрочем, опыт тех же государств дает наглядный пример того, что бывает, когда «внедрение» переходит границы разумного, а сама национальная идея превращается в банальную идеологическую догму: отказ от «проклятого прошлого» в России обычно проходит весьма бурно (что в 1917-м, что в 1991-м).

ПРОДУКЦИЯ ДЛЯ МАССОВОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

Сегодняшний спрос на идеологию, безусловно, связан с так называемой проблемой-2008. С одной стороны, уже через два года Кремлю предстоит обеспечить приемлемую с точки зрения общемировой демократической практики процедуру передачи власти «преемнику Путина» (как вариант – в случае возникновения нештатной ситуации – создать более-менее легитимную «легенду» пролонгации путинских полномочий).

С другой стороны, в недрах властной элиты зреет понимание, что все использованные за последние шесть лет методы лечения «внутренних болезней» страны так и не привели к максимально желаемому результату.

Иными словами, укрепление власти, превратившись в самоцель, пока не создало мощных скрепов общества (да и государства), способных минимизировать социальные последствия возможных нештатных ситуаций (масштабных экономических кризисов, резонансных террористических актов, общественных взрывов и т. п.). Все это, особенно в случае замены «рейтингового» президента на «среднячка», может всерьез поколебать устойчивость системы.

В таких условиях, рассудили в Кремле, идеология (а в идеале и национальная идея) как раз и должна выполнить функцию этих скрепов – мобилизовать самые разные «целевые аудитории».

Во-первых, госаппарат (с одной стороны, по-прежнему нужно повысить его эффективность, с другой – не допустить раскола по принципу «это не наш преемник»). Во-вторых, электорат (он должен не только правильно проголосовать в 2008-м, но и потом пребывать в уверенности, что сделанный выбор – единственно верный). В-третьих, население: именно население, а не пресловутый «электорат» должно как минимум понимать (а в идеале и разделять) целесообразность осуществляемых властью действий.

Источники «Профиля» во властных кабинетах фактически подтверждают многоцелевое предназначение «идеологии Путина». «По большому счету это идеология для обывателя, для нашего крепнущего среднего класса, – делится соображениями высокопоставленный чиновник. – Посмотри, кто за нас (беспартийный чиновник так и сказал: „за нас“. – «Профиль») голосует – средний класс, бизнес-пролетариат, если угодно – лавочники и «челноки», у которых свой маленький бизнес, кто ездит в Китай и Турцию за товаром».

Пришла пора сплотить людей на основе неких общих ценностей

И озвученная Сурковым и его соратниками идеология, уверен чиновник, рассчитана именно на них. «Думаю, Сурков сам верит в то, о чем говорит, – рассуждает чиновник, – но верит в первую очередь как политтехнолог: Сурков убежден, что все это способно решить определенный круг задач, и в этом он, безусловно, прав».

Главная задача – все-таки 2008 год: мобилизация электората при помощи идеологии (либо некоего ее подобия) – вещь весьма эффективная.

Внятная идеология, с одной стороны, позволяет определить, что именно является «курсом Путина». Сам Путин – «большой хитрец», по выражению близкого к Кремлю политтехнолога Глеба Павловского, – «долго уклонялся от выявления своих позиций и ценностей». И вот пришла пора сплотить людей на основе неких общих ценностей.

С другой стороны, идеология (по крайней мере, в том виде, в каком ее сформулировал Сурков) способна решить задачу мобилизации электората на «негативной основе» – противостояния общим врагам. По словам руководителя аналитической группы «Меркатор» Института географии РАН Дмитрия Орешкина, «именно по этой модели проходили все президентские выборы в России начиная с 1996 года».

«Новая идеология» как свод общих ценностей и перечень общих врагов и угроз вполне способна собрать под свои знамена значительную часть населения и тем самым правильно решить «проблему-2008» путем абсолютно свободного выбора.

«СПИСОК СУРКОВА»

Внутренних врагов в «списке Суркова» не так уж и много. И все – весьма нестрашные.

Во-первых, это «партия олигархического реванша» во главе с Борисом Березовским и Михаилом Касьяновым. Во-вторых, «изоляционисты»: по их поводу Сурков высказался туманно (часть «изоляционистов» – «почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что Запад – это страшно», другие же – почти «заодно с Басаевым»). Из тех, кто точно «изоляционист», – экс-лидер «Родины» Дмитрий Рогозин со товарищи: те, кто «призывает запретить все еврейские организации», а «заодно борется с олигархами на деньги олигархов».

Впрочем, по мнению Суркова, партии власти «надо будет вырвать победу» у всех этих персонажей – эмигранта Березовского, «дачника» Касьянова и «мусорщика» (по терминологии Суркова) Рогозина. А значит, решающая схватка все еще впереди.

Получается, что так же, как в 1996-м «врагами» были коммунисты, в 1999—2000-м – чеченские террористы, в 2003—2004-м – олигархи, в 2007—2008 годах власти придется побороться с сомкнувшими свои ряды «изоляционистами» и «олигархическими реваншистами». И, конечно же, победить.

Однако не менее важный аспект «новой идеологии» – враги внешние. Их образ, в отличие от врагов внутренних, предельно размыт (оно и понятно: международных скандалов на пустом месте нам не надо). Такая «невнятность» одновременно и дань традиции, и весьма осознанный прием.

Впервые отчетливо о внешних силах как источнике угроз высказался Путин в знаменитой речи после бесланских событий. «Одни, – сказал президент, – хотят оторвать от нас кусок пожирнее, другие им помогают, полагая, что Россия – как одна из крупнейших ядерных держав мира – еще представляет для кого-то угрозу и поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм – это только инструмент для достижения этих целей».

Сурков, по сути, использует ту же методу: «Когда нам говорят (именно так – безлично. – *«Профиль»*), что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас». С одной стороны, чувствуется неясность: кто все-таки нам «говорит» и кто нас в конечном счете «разводит».

С другой стороны, возникает ощущение, что этим занимаются все. И речь – ни много ни мало – об угрозе (по терминологии Суркова) «мягкого поглощения по современным „оранжевым технологиям“ при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям». Как считает замруководителя президентской администрации (очевидно, что и Путин тоже), попытки использовать эти «технологии» в отношении России «не ограничатся 2007—2008 годами»: «Наши иноземные друзья могут и в будущем как-то пытаться их повторить».

Впрочем, подчеркивает Сурков, «это не значит, что они враги; нет, они – конкуренты: ничего личного – просто разденут до последних ботинок». В общем, сурковским описаниям «внешних конкурентов» вполне могут позавидовать авторы «изоляционистского» толка.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Между тем сказать, что создаваемая в Кремле идеология носит явно изоляционистский характер, было бы в корне неверным. Речь может идти, скорее, о латентном, «скрытом изоляционизме», без которого идеологию «суверенной демократии» просто не сформулируешь. Хотя бы потому, что все «наше особенное» по определению противостоит «общечеловеческому», которое, в свою очередь, на поверку оказывается не более чем «ихним» (да еще навязываемым нам: так называемый экспорт демократии – лишь частный случай).

Иначе с какой стати нашу демократию их «аршином общим не измерить»?

И постоянно нужен свой – «суверенный» – «аршин».

По мнению члена научного совета Московского центра Карнеги Андрея Рябова, использование термина «суверенная демократия» – дань моде на неогегельянский (по принципу «все действительное разумно») способ объяснения действительности. «Это своего рода попытка придать легитимность всему, что есть перед глазами»: вот есть демократия – она такая, какая есть, управляемая, суверенная, несовершенная, Бог знает какая. Но такая и должна быть. По крайней мере, в нашем климате и в этих исторических условиях.

Использование термина «суверенная демократия» – дань моде на неогегельянский способ объяснения действительности

Наличие уточняющего определения («суверенная») указывает: речь идет об особой разновидности демократии. И, скорее всего, это национальная разновидность (ее необходимость продиктована масштабами страны, ментальными особенностями населения, несовершенством известных «классических» западных моделей демократии и т. д.).

И хотя сам Сурков не раз обращал внимание на ущербность самого термина («нехорошо к демократии что-то добавлять, потому что сразу возникает вопрос о третьем пути, но мы вынуждены это делать» – см. майское выступление Суркова перед активистами «Деловой России»), термин не только прижился, но и оброс интерпретациями.

Так, по мнению публициста Виталия Третьякова, «заморское понятие „суверенитет“ стоило бы „без всякой политкорректности именовать русским аналогом – „самодержавие“, то есть желание и умение самим определять свою судьбу и нормы жизни в своем обществе, „самим себя держать“. И поэтому „доктрина «суверенной демократии», – полагает Третьяков, – вполне может быть определена в качестве «самодержавного самоуправления».

Член же Общественной палаты Алексей Чадаев в специальной книге, цель которой – «описать доктрину Путина», указывает, что задача действующего президента в создании системы, «в рамках которой русский народ сам сможет решать вопрос о власти». Причем Чадаев приходит к выводу, что решение вопроса о власти «может и не включать в себя сменяемость власти любой ценой каждые четыре года».

Но тогда получается, что «суверенная демократия» (или «демократический суверенитет», что в устах идеологов одно и то же) – это такая демократия и такой суверенитет, при которых действует известный «принцип Никиты Пряхина» – одного из обитателей «Вороньей слободки», описанной в «Золотом теленке». Помните? «Как пожелаем, так и сделаем», – твердил герой Ильфа и Петрова, реализуя свое суверенное право распоряжаться собственностью путем поджога заранее застрахованной квартиры.

ОСЕДЛАТЬ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ!

Суть латентного, «скрытого изоляционизма», лежащего в основе «идеологии Путина», предельно проста, и поэтому на первый взгляд эта позиция весьма продуктивна. Ведь речь идет о том, что формально для Запада мы вполне открытая страна и при этом сами для себя – в зависимости от ситуации – проводим границы такой открытости.

Кремль не видит проблемы в существовании «бытового изоляционизма» граждан. Он лишь претендует на исключительное право использовать его в политических целях по своему усмотрению

На практике это означает, что Кремль не видит проблемы в существовании «бытового изоляционизма» граждан. Он лишь претендует на исключительное право использовать его в политических целях по своему усмотрению. Так, когда речь идет об инвестициях и технологиях, доморощенные «бытовые изоляционисты» должны сидеть тише воды, ниже травы. Если же налицо попытка «экспорта демократии» – все на защиту суверенитета.

Именно поэтому Кремль столь болезненно отреагировал на попытки рогозинской «Родины» пуститься в более-менее самостоятельный политический дрейф. Ведь, как известно, внутривидовая борьба – самая бескомпромиссная. «Фактически кремлевские политехнологии посчитали целесообразным занять нишу „Родины“ по принципу „настоящие патриоты – это мы, потому что мы умные (прячем фигу в кармане), а так называемые изоляционисты глупые и поэтому вредны для дела, так как все время этой фигурой размахивают“, – рассуждает один близкий к кремлевским идеологам политехнолог.

«Сурков дал понять, что Кремль намерен возглавить процесс, – вторит ему Дмитрий Орешкин, – и тем самым взять на себя функцию коня, который бережно спускает с горы воз с глиняными горшками». Дабы, не дай Бог, «веймарские фобии и чаяния народа» не вышли наружу. Способ нейтрализации этого тренда неоригинален: если не можешь предотвратить процесс, нужно его возглавить. В данном случае – проводя политику разумного патриотизма.

«В этом случае я не сторонник оголтелых критиков Путина и Суркова, которые считают такой подход неприемлемым, – признается Орешкин. – Ведь объективно задача власти – удерживать все чаще вырывающийся наружу национал-державнический пар в приличных и, самое главное, управляемых рамках. Другое дело, что горизонты действия такой политики весьма ограничены и при этом высоки шансы скатиться к настоящему изоляционизму, перейти к лукашенковщине»...

НОВЫЙ ДЕРЖАВНЫЙ МИФ

... По словам Дмитрия Орешкина, фактически проблема создания новой национальной идеи «состоит в том, чтобы определить, кто есть „наши“, дать четкое определение этому расплывчатому, но очень важному термину, который сейчас используют все кому не лень». Это «просто необходимо для нормального существования сообщества людей, но только если речь идет о нормальном объяснении этого термина».

Культивируемый же ныне «просвещенный изоляционизм» в идейном плане порой напоминает попытку вернуться к прежней, имперской идеологии.

Конечно, к ней можно по-разному относиться, но проблема заключается в ином: в реальности вернуться к ней, особенно в «эпоху Интернета», абсолютно невозможно. И поэтому национальная идея, опирающаяся на такую идеологию, нежизнеспособна.

Во-первых, выдохлась позитивная составляющая «мифа о России».

Россия, увы, теперь не воспринимается гражданами как «утес православия», спасающий мир от социальных бурь и искушений. При этом мы давно уже не несем миру социализм и коммунизм – эти «самые справедливые формы общественного устройства». Наоборот, для большинства россиян наиболее справедливым представляется западное устройство общества. И с этим нужно либо считаться, либо кардинально изменять представления о Западе как таковом (возможно, бесконечные показы этнических беспорядков и студенческих волнений во Франции, страданий тысяч жертв наводнений и ураганов, брошенных на произвол судьбы в США, и т. п. – движение именно в этом направлении?).

Не случайно новый «миф о России» – по крайней мере, пока – формулируется исключительно на негативной основе. По принципу «мы – не они», «у нас не так, как у вас».

Во-вторых, нашу государственную мифологию не втиснуть в современный рационалистический подход к реальности. И чем больше «государство – от Бога», государство как самоцель и самоценность, тем меньше шансов сделать это «без признаков насилия».

Однако до сих пор наша государственническая ментальность «заиклена на государстве как самоценной величине, и нынешние идеологи лишь воспроизводят эту заикленность», считает Орешкин. Пока, судя даже не по текстам, вышедшим из-под пера кремлевских идеологов, а по проводимому курсу, идея «государства от Бога» возобладала.

Но «каждый конкретный одаренный человек все равно исходит из своих личных интересов; даже те, кто громче других ратует за укрепление государства и создает разного рода идеологии. Другая же модель называется „либерализм и демократия“, а она людям, стоящим вокруг государства, поперек горла», – констатирует Орешкин.

Большинство граждан прекрасно понимают, что главная «идея» нынешнего дня – повышение уровня жизни

Пока большая часть граждан готова жертвовать некими не вполне понимаемыми ими свободами ради достатка и стабильности. А в достатке и стабильности – с удовольствием внимать идеологам государственничества.

Но «людей будет очень сложно убедить в том, что ради новой национальной идеи нужно жертвовать чем-то для них значимым», – полагает Орешкин.

Скорее всего также, чем лучше мы будем жить (а власть среди важнейших ценностей новой национальной идеи называет и материальное благополучие граждан), тем больше у людей будет разных потребностей, удовлетворение которых может вступить в противоречие с интересами неизменно укрепляющегося государства. Ведь большинство граждан (разве не на «путинское большинство» рассчитана новая идеология?!) прекрасно понимают, что главная «идея» нынешнего дня – повышение уровня жизни.

Своего и своей семьи.

Как сопоставить эту идею с формулируемой государством «национальной идеей»? Именно в этом и заключается главная проблема «идеологии Путина». Удастся их совместить – идеология имеет шансы стать реальной национальной идеей.

Иначе говоря, как совместить либеральный подход (в широком смысле: когда в основе госустройства лежит приоритет свободы и интересов личности) и традиционный российский этатизм (в форме государственничества), при котором люди – лишь «винтики».

Пока не ясно и то, как именно можно использовать всю эту в общем-то стройную идеологию для решения каждой конкретной задачи, стоящей перед страной. Например, в борьбе с терроризмом. Или для заявленного расширения нашего влияния на территории СНГ. Что делать с Приднестровьем, Абхазией и Южной Осетией: принимать в свой состав или дать на откуп «оранжевым технологиям»? Присоединять и идти на конфликт с Западом или все-таки не идти? А если не идти и соблюдать нормы международного права (при том что в G-8, членством в которой мы все гордимся, «двойные стандарты» – норма жизни), как объяснить собственным распропагандированным гражданам, почему мы опять «сдаем позиции»? И где же тогда наша верность нашей же идеологии?!

Ведь если идеология «не работает» – это не идеология получается, а голый пиар. Причем рассчитанный исключительно на внутреннего потребителя – максимум в пределах РФ, а реально – в пределах «Единой России». Значит, нужно сделать так, чтобы она заработала.

А. Коновалов ГДЕ ВЗЯТЬ ЭЛИТУ С ИДЕОЛОГИЕЙ?

Февральские тезисы Владислава Суркова

В феврале текущего года в Центре партийной учебы единороссов с установочным идеологическим докладом выступил зам. главы президентской администрации Владислав Сурков. Две недели спустя текст доклада появился на официальном сайте «Единой России» и стал доступен всем интересующимся. В былые времена подобный документ много месяцев обсуждался бы во всех первичных партийных организациях, в прессе и самой широкой общественностью. Но те времена канули в Лету (хотелось бы надеяться, что безвозвратно). Во всяком случае, никакой серьезной дискуссии в прессе по поводу этого выступления не появилось. Да и недосуг нам обсуждать скучные домашние дела. Все в стране стабильно и предсказуемо.

Хранилища Центробанка трещат от золотовалютных резервов, стабфонд прет, как тесто из квашни. То ли дело выборы на Украине или, на худой конец, в Белоруссии. Или похороны нашего национального героя С. Милошевича. Так что до внутренних дел руки не доходят. Неудивительно, что пресса откликнулась на программный документ В. Суркова в основном статьями «по мотивам» его выступления. А жаль, текст, безусловно, заслуживает серьезного обсуждения. Хотя бы для того, чтобы понять, куда ведет страну нынешняя власть и насколько адекватны ее представления о путях достижения намеченных целей.

ТРЕБУЕТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА

Собственно, большая часть первой половины доклада В. Суркова как раз и посвящена тому, чтобы убедить слушателя (читателя): старая политическая система воспроизводила неэффективную политическую элиту, теперь социальные технологии и технологии власти быстро усложняются и к политической элите предъявляются куда более высокие требования. В этой части доклад В. Суркова оставляет противоречивые ощущения. С одной стороны, здесь мирно соседствуют положения, взаимоисключающие друг друга, с другой – много очевидно верных мыслей, но когда проходит радость от их прочтения, сразу хочется выглянуть в окно и задать себе вопрос: «а какое отношение к нашей действительности имеют эти правильные декларации?». Ну как не согласиться с положением, что «от принуждения общество постепенно переходит к технологиям убеждения, от подавления к сотрудничеству, от иерархии к сетям горизонтальных связей». Только не ясно, это об обществе вообще или о нашем, российском. Так у нас процесс идет в прямо обратном направлении – крепим вертикаль исполнительной власти. Какие тут сети горизонтальных связей.

Для демократического общества характерен плюрализм свободно конкурирующих идей, а консенсус существует относительно набора базовых ценностей, которые это общество разделяет

Еще один весьма спорный исходный постулат доклада связан с заявлением, что демократическое общество «сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею». Хотелось бы заметить, что демократическое общество не может быть сверхидеологизированным. Напротив, для него характерен плюрализм свободно конкурирующих идей, а консенсус существует относительно набора базовых ценностей, которые это общество разделяет. Что же касается тоталитарных систем, то они как раз нуждаются в единственной доминирующей идеологии. В них страх не противостоит идее, но является ее порождением.

В докладе говорится, что «демократия в России – „это всерьез и надолго“ (дай-то Бог) и в нашей повседневной жизни все большее значение будет иметь умение побеждать противника в прямом идеологическом столкновении, а не опираясь на пресловутый административный ресурс. А теперь давайте вспомним любые выборы последнего времени, начиная с думских 2003 года и кончая первым единым днем выборов в марте 2006 года. Кажется, никому не надо объяснять, что имело ключевое значение для победы – умение убеждать или тот самый административный ресурс. То, что на последних мартовских выборах был такой низкий процент явки и такой высокий процент протестного голосования (против всех), говорит только об одном – люди перестают верить в то, что от них что-то зависит.

Подобные логические противоречия и нестыковки с реальной действительностью, а их можно привести еще много, не мешают автору сделать оптимистический вывод: «Это все будет во времени заканчиваться, и партия для того, чтобы она могла сохранить свое доминирующее положение в политической системе (а это наша основная задача), должна активнее овладевать навыками идеологической борьбы». Как представляется, мысль о «сохранении доминирующего положения в политической системе» – один из ключевых тезисов доклада. Он задает центральный вектор всего выступления. Остается прояснить некоторые положения.

К кому, например, относится термин «наша главная задача». Логично было бы воспринять его как девиз «Единой России», но прозвучал он из уст заместителя главы президентской администрации. Означает ли это, что сохранение доминирующего положения «Единой России» – главная задача Кремля? Другой не менее важный вопрос – насколько такая роль

«Единой России» отвечает интересам страны и даже интересам президентской администрации. Но к этим вопросам мы еще вернемся.

Далее в выступлении В. Суркова делается пространный исторический экскурс во времена СССР и в 90-е годы истории России. Собственно, с анализом советского периода нашей истории и связан тезис автора о политической системе, имманентно воспроизводящей неэффективную элиту. Автор с грустью говорит о том, насколько малограмотные люди оказались у руля руководства СССР в критический момент его истории, и даже ссылается на воспоминания госсекретаря США Шульца, которого в свое время поразила некомпетентность некоторых советских руководителей.

Справедливости ради стоит отметить, что советские лидеры хотя бы осознавали потребность в профессиональном аппарате и квалифицированных экспертах. Положение радикально изменилось (и не к лучшему) в 90-е годы, не похоже, чтобы оно улучшилось и сейчас. После распада СССР в российские властные структуры пришли представители провинциальной партийно-советской номенклатуры второго-третьего уровня. Создается впечатление, что они вообще не испытывают потребности в мнении профессионалов при принятии решений. Да и собственный бизнес, которым успело обзавестись большинство из них, не оставляет много времени на решение проблем государственных.

Автор приводит нас к мысли, что период «временно усидевших и переходящих» в России еще не закончен

Именно на анализе советского периода нашей истории базируется вывод В. Суркова о том что «замкнутое общество, в котором результаты оценивались скорее с партийно-догматической точки зрения, а не с практической, воспроизводило неэффективную элиту». И здесь очень к месту автор доклада ссылается на мысль Ивана Ильина, который писал, что после крушения коммунистического строя, когда Россия начнет возрождаться, русский народ увидит себя без «ведущего слоя», место которого займут «временно усидевшие и переходящие люди, но присутствие их не разрешит вопроса». По-видимому, сам того не желая, автор приводит нас к мысли, что период «временно усидевших и переходящих» в России еще не закончен. Страна испытывает острейший дефицит национальной элиты, соответствующей масштабу задач, стоящих перед страной.

Вообще же, не называя имен и фамилий, В. Сурков подвергает уничижительной критике период 90-х годов до избрания президентом Владимира Путина. По его мнению, именно в этот период страна оказалась на грани «потери государственного суверенитета». Лишь мельком он отмечает, что именно в 90-е годы начались «громкие реформы», осваивались «новые социальные практики» и даже в условиях «зоологического периода нашего развития» к ведущим позициям пробивались сильные, инициативные и целеустремленные люди. Именно они, по мнению Суркова, стали материалом «для формирования нового ведущего слоя нации». Здесь можно было бы вздохнуть с облегчением, национальная элита начала формироваться. Но радость омрачает один вопрос. Если новая элита формировалась не в условиях честной, открытой конкуренции и диктатуры закона, а в условиях «экономического дарвинизма», то кто, кроме самых жестоких, кровожадных и беспринципных хищников мог выжить в этой борьбе. Если теперь именно они составляют наш ведущий слой, то поводов радоваться немного.

Будем надеяться, что это все же не окончательный вариант. Политической элите еще придется меняться. А пока эталонным символом нынешней элиты для автора является «диспут» в программе В. Соловьева «Поединок» между «усидевшим и переходящим» В. Жириновским, ярким представителем элиты политической, и А. Прохановым, не менее ярким представителем элиты творческой, писателем, «совестью» нации. Все, кто видел эту программу, прекрасно помнят красные, непрерывно орущие и брызжащие слюной лица против-

ников, подтверждавшие, что «зоологический» период нашего развития еще далеко не закончен.

Наиболее убедительные аргументы оппонентов сводились к громкому «сам дурак», а кульминацией дискуссии оказался момент, когда доктор философских наук Жириновский публично и громогласно перепутал Диогена с Геростратом и нимало при этом не смутился. Как тут не вспомнить диспуты А. В. Луначарского с иерархами Русской православной церкви. Но пока другой элиты у нас нет.

ПРЕЗИДЕНТ, ДЕМОКРАТИЯ, СУВЕРЕНИТЕТ

Далее в докладе Суркова следует дифирамб в адрес нынешнего российского президента, вполне объяснимый для чиновника его администрации. Начальство любит, когда его хвалят, тем более что президента Путина есть за что хвалить. По В. Суркову, задача только что избранного президентом В. В. Путина состояла в «нормализации ситуации в стране», и он с ней успешно справился. Путин возвращает реальный смысл слову «демократия», он настаивает на соблюдении существующих законов, выполнении действующей Конституции. Собственно, здесь В. Сурков, скорее всего не намеренно, приписывает президенту популярный лозунг советских диссидентов 60-70-х годов: «Соблюдайте вашу конституцию», как бы показывая, что он не утратил актуальности и по сей день.

В подтверждение успехов президента Путина и его администрации В. Сурков приводит много аргументов, с которыми трудно не согласиться

В докладе подробно объясняются и другие шаги президента – реформа Совета Федерации, «изгнание» олигархов из Кремля, наведение порядка в налоговой системе, в средствах массовой информации. Утверждается, что эти действия были «исключительно демократичны, потому что были направлены именно на то, чтобы работали законы демократического государства». В подтверждение успехов президента Путина и его администрации В. Сурков приводит много аргументов, с которыми трудно не согласиться. Но чем больше аргументов, тем сильнее ощущение – нам говорят не всю правду.

Спору нет, старые принципы формирования Совета Федерации нарушали принцип разделения властей, в законодательный орган делегировались руководители исполнительной власти субъектов Федерации. Теперь это противоречие устранено, но кто может сказать, какое отношение подавляющее большинство нынешних сенаторов имеет к тем субъектам Федерации, которые они представляют в верхней палате Федерального Собрания, как вообще становятся сенаторами (как, скажем, Тыва определила, что лучше всего ее интересы в Совете Федерации представит г-жа Нарусова, крупный специалист по тувинским проблемам), и для чего нужна такая конструкция в законодательной власти. Обличая нефтяных олигархов, В. Сурков справедливо говорит о схемах ухода от уплаты налогов, которые они использовали. Здесь и перепродажа нефти через компании, «где работали 50 инвалидов» (а такие фирмы имели колоссальные налоговые льготы), и реализация нефти под видом «скважинной жидкости», и использование внутренних офшоров.

Можно только приветствовать, что нефтяным магнатам перекрыли налоговые лазейки, но не стоит забывать, что хотя схемы «налоговых оптимизаций», характерные для «зоологического» периода нашего развития, были, безусловно, аморальны, они тем не менее не противоречили действовавшему тогда законодательству. И смог бы г-н Сурков назвать хотя бы одну крупную российскую нефтяную компанию, которая не использовала подобных схем? А тогда неизбежен вопрос: почему владелец одной из них прикупает четвертую яхту в дополнение к замкам и футбольному клубу, очень успешно (это без иронии) губернаторствует на Чукотке, а другой шьет рукавички «во глубине сибирских руд», получая выговоры за нарушения лагерного режима? Как-то не монтируется эта реальность с пространными рассуждениями о справедливости и стабильном развитии бизнеса.

Вообще в выступлении В. Суркова очень часто повторяются слова «свобода», «демократия», «справедливость» и «стабильность», но, как известно, от частого повторения слова «халва»

во рту слаще не становится. Кажется, бизнес, освобожденный от тирании олигархов, криминала и чиновников, должен быть в восторге от нарисованной в докладе радужной картины. Но вот депутат Госдумы и член президиума генерального совета «Единой России» В. Резник в своей статье «Тьма средневековья» недавно написал: «У нас наступают времена Московской Руси, когда любой боярин в купеческой лавке мог просто так взять все, что ему заблагорассудится. Вместе с лавкой». Естественно, ничего никому не платя.

Далее В. Сурков рисует картину будущего России и начинает с необходимых предпосылок ее успешного развития, выделяя два ключевых фактора – демократию и суверенитет. Что касается демократии, то здесь риторика достаточно традиционна. Это совершенно необходимое условие интеграции в «мировую экономику, мировую систему знаний, получения доступа к современным технологиям Запада». А вот понятие суверенитета и необходимости его постоянной защиты разбирается более детально и содержит нетрадиционные трактовки.

Во-первых, В. Сурков ссылается на работу Иосифа Бродского (что само по себе не характерно для кремлевских чиновников) «Взгляд с карусели», в которой высказывается гипотеза, что мировая война будущего будет войной экономической. И хотя «боевые» действия будут носить в ней наднациональный характер, но торжество победителя будет сугубо национальным, то есть привязанным к конкретному государству, победившему в конкурентной борьбе. Это приводит автора доклада к заключению, что в условиях глобализации особенно важно беречь и сохранять суверенитет. Нетривиальное и спорное понятие сущности суверенитета формулируется В. Сурковым так: «Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности».

Последнее утверждение, при всей его оригинальности, выглядит достаточно спорно. Конечно, между суверенитетом и конкурентоспособностью можно усмотреть связь (в конце концов, все в мире взаимосвязано). Однако суверенитет и конкурентоспособность все же не синонимы. Наверное, СССР периода расцвета своего ядерного могущества был очень даже суверенной страной (то войска в Чехословакию введет, то Афганистану «поможет», то южнокорейский «Боинг» собьет), а вот с конкурентоспособностью было из рук вон плохо. Ну а что можно сказать сегодня о США?

***Между суверенитетом и конкурентоспособностью существует
куда более сложная связь***

Сошлемся на недавнюю публикацию З. Бжезинского (которого у нас по совершенно непонятным причинам так любят цитировать). Она называлась «Последний суверен на распутье» и начиналась фразой: «Сегодня Америка – самая суверенная страна в мире». Оставим в стороне наше согласие или несогласие с подобным утверждением. Допустим, что оно верно, и зададимся вопросом: означает ли это, что Америка сегодня и самая конкурентоспособная страна в мире. Очевидно, что нет, и между суверенитетом и конкурентоспособностью существует куда более сложная связь, но это тема совсем отдельного обсуждения, выходящего за рамки данной работы.

А вот пассаж об угрозах суверенитету как составляющей нашей будущей политической системы по-настоящему интересен. Среди основных угроз суверенности (именно суверенности, а не безопасности) нашей нации называются – международный терроризм, угроза (очень гипотетическая) прямого военного столкновения, неконкурентоспособность экономики и мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям» при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям. Последнее положение стоит того, чтобы остановиться на нем особо.

Итак, кто кого поглощает или собирается поглотить, и что такое «мягкая оранжевая технология». Речь идет о нашем суверенитете, значит, поглотить собираются Россию. Судя

по цвету технологии – оранжевый, мы опасаемся повторения украинского опыта. А в качестве пожирателей суверенитета, по-видимому, выступают западные неправительственные организации. Несколькими абзацами ниже г-н Сурков поясняет в своем докладе: «Что касается мягкого поглощения, это тоже вполне реальная угроза суверенитету...»

Не могу сказать, что вопрос этот снят с повестки дня, потому что если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой? Думаю, что эти попытки не ограничатся 2007—2008 годами. Наши иноземные друзья могут и в будущем как-то пытаться их повторить». Значит, по мнению В. Суркова, четыре страны уже мягко поглощены иноземными друзьями. Можно догадываться, что речь идет об Украине, Грузии, Киргизии и Молдове. Считает ли автор, что теперь эти страны перешли под контроль США? Означает ли нескрываемая досада В. Суркова, что, по его мнению, раньше они были под контролем России?

Не думаю, что граждане этих стран согласятся с мнением, что они уже «съедены» Западом, тем более что само понятие контроля давно сместилось из пространства территорий в пространство потоков. Потоков информации, капитала, технологий, трудовых ресурсов. А в этих областях инициатива давно принадлежит Западу, и нам стоит серьезно подумать, как сократить этот разрыв. Вместо этого после рассуждений о полезности свободы и демократии мы вновь читаем пассажи об имманентной враждебности и коварстве Запада. При этом, совершенно игнорируя сложные и различные по своей природе внутривнутриполитические процессы, происходящие в этих государствах, которые, собственно, и привели к тому, что В. Сурков для чего-то называет мягким поглощением.

Конечно, объяснять все происходящее, скажем на Украине, происками Запада легче, чем попытаться понять суть развивающихся там политических процессов. Но если мы и дальше будем объяснять все происходящее исключительно прожорливостью «свиристых монстров», действующих извне, мы так и не поймем, что же действительно происходит в соседних государствах, а без такого понимания наша политика на постсоветском пространстве будет обречена на новые провалы с «мягкими цветными поглощениями».

Все эти сентенции выглядят тем более странно, что рядом с ними в докладе звучат призывы: «Нам нужны знания! Нам нужны новые технологии! Если мы получим доступ (в кооперации, конечно, с западными странами, в добром сотрудничестве с ними) к новым технологиям... мы потом сами сможем выходить на самые высокие технологии». Так все-таки «кооперация и доброе сотрудничество» или борьба с поглощениями по «оранжевым технологиям»? Надо останавливаться на чем-то одном.

Под рассуждения об угрозах мягких поглощений российская политическая элита активно интегрируется в Запад

Хотя бы в идеологии. Вообще, интеграция в западное сообщество у нас происходит довольно своеобразно. Под рассуждения об угрозах мягких поглощений российская политическая элита активно интегрируется в Запад. На Западе хранятся деньги, приобретается недвижимость, учатся дети и отдыхают и лечатся семьи. Но для такой интеграции политического класса остальная Россия является обузой и помехой. Поэтому политическая элита предпочитает групповую интеграцию для себя, делая все, чтобы помешать интеграции в развитый мир России как стране. Напротив, ей удобнее, чтобы Запад играл роль перманентной угрозы российским интересам и российской безопасности.

Такое разделение очень помогает нынешней элите удерживаться у власти в России. Но это только углубляет пропасть между тем, что должно стать национальной элитой, и остальным населением. И уж совершенно очевидно, что «национально ориентированного ведущего слоя общества» в таких условиях не сформируешь.

Затрагивает В. Сурков и проблему образования и культуры. И здесь одновременно говорится о необходимости повышения качества образования и даже предлагается не бояться приглашать иностранных преподавателей. В то же время подчеркивается, что систему образования надо четче ориентировать, чтобы она выпускала национально ориентированную элиту.

А то в некоторых вузах на лекциях такое о России услышишь, будто там «неправительственные организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги из какого-нибудь посольства взяли». Ну и как же мы при таких взглядах собираемся приглашать преподавателей из-за рубежа? Ведь лучшие университеты мира, как правило – частные неправительственные организации и по структуре и предназначению сильно отличаются от партшкол «Единой России». Университеты всегда собирали свободно и нетривиально мыслящих специалистов.

И демократическое государство никогда не определяло, чему и как в них учить. Кстати, в упоминающихся в докладе (как эталонах качества образования) Гарвардском университете и Массачусетском технологическом институте учатся тысячи иностранных студентов, что вовсе не мешает им впоследствии стать национально ориентированной элитой в своих странах.

Еще одно положение этого раздела доклада, заслуживающее упоминания и комментария, сформулировано следующим образом: «По мере развития демократии информационная борьба обостряется. Борьба за умы. Хорошо бы это понимать и не надеяться, что вегетарианство и непротивление отправят нас в рай, ничего подобного». Первая часть этого утверждения – практически дословное повторение известного тезиса И. В. Сталина об обострении классовой борьбы по мере построения социализма. Сталину это положение требовалось для усиления террора и репрессий внутри страны, для сохранения себя во власти. Для чего оно понадобилось В. Суркову, сказать трудно. Как и призыв отказаться от вегетарианства. Будто пропуском в рай может служить только тело растерзанного политического противника.

Раздел заканчивается достаточно предсказуемым выводом: «Если мы решим все эти задачи, Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией». Итак, суверенная демократия – цель всех наших усилий и преобразований. Можно по-разному интерпретировать словосочетание «суверенная демократия», однако вряд ли его стоит выдвигать в качестве цели проводимых в России преобразований в силу двух обстоятельств.

Во-первых, смысл его (если он вообще существует) крайне туманен и неопределим. Во-вторых, в этом словосочетании возникает интересный эффект. Определение перед словом «демократия» начисто «съедает» сущность и смысл определяемого слова. Так что «суверенная демократия» к «демократии» никакого отношения не имеет.

КАК ПОБЕДИТЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ?

Здесь мы возвращаемся к вопросам, сформулированным в начале статьи. Возможности сохранения «Единой Россией» доминирующего политического положения и целесообразности для страны такого сценария развития событий. В заключительной части своего доклада В. Сурков детально разъясняет слушателям, кто будет их политическими противниками в 2007 году и у кого «Единой России» придется вырывать победу.

Собственно, в условиях зачищенного, утрамбованного и забетонированного политического поля вообще странно говорить о каких-либо политических противниках «Единой России». Непонятно, откуда они возьмутся. Тем не менее В. Сурков предупреждает партактив о двух основных политических оппонентах. Пер вый, победа которого была бы шагом назад в политическом развитии страны, – это «партия олигархического реванша».

Приход к власти этой партии привел бы к немедленной утрате суверенитета и поражению демократии. И угроза, и последствия ее реализации выглядят карикатурно. Кто может бросить вызов нынешней власти на «олигархическом» направлении? Лондонский сиделец, которого безуспешно пытается достать наша прокуратура? Так здесь обе стороны вызывают улыбку сочувствия и даже сострадания. И Борис Абрамович, грозящий из Лондона «взять Зимний», и российский зам. Генпрокурора, искренне не понимающий, почему англичане не выдают ему желанного приза. Ведь он официальные бумаги слал.

Что касается крупного российского бизнеса, то он скорее напоминает «смерда дрожащего», чем политического оппонента. Ведь «и лавку и товар отобрать могут». Поэтому построился как миленький, сидит в приемных у чиновников, ждет разрешений. А разрешения зависят от поведения. Ведь «порекомендовать» могут всякое: олимпийцев джипами одарить, а то и антитеррористический комитет взять на свой кошт.

Да и что бояться олигархов, когда самыми главными олигархами сегодня стали чиновники. Они же себе больно не сделают. Конечно, прижатые и «опущенные» бизнесмены фигу в кармане держат и при случае не преминут поддержать деньгами тех, кто будет их нынешних обидчиков из высоких кабинетов выкидывать. Но чтобы сами – никогда в жизни. Если станет невтерпёж, то в Лондон или там в Куршавель – это пожалуйста, но на баррикады – увольте. Так что угрозы олигархического реванша в нынешней ситуации опасаться не стоит.

Вторая угроза выглядит посерьезнее. Недаром Сурков называет ее партией двух шагов назад и употребляет в отношении носителей этой угрозы термин «изоляционисты», не желая «пачкать» о них слово патриоты. Итак, речь идет о «почти нацистах», о востребованности в нынешней России идеологии радикальных националистов.

По определению В. Суркова, «это такие люди, которые муссируют дешевый тезис, что Запад – это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подpiraет». Самое забавное, что автор критикует тех, кто выступает с антизападных позиций, всего через страницу после описания страшилок о «мягких оранжевых поглощениях». Сам «муссировал тот же дешевый тезис» о враждебности Запада. Так как же партийным активистам «Единой России» воспринимать Запад? Ведь если в одной и той же партийной идеологии мирно соседствуют взаимоисключающие друг друга положения, это уже не путаница, а диагноз.

Почему государство не берет на себя труд терпеливо объяснять, что Америка категорически не заинтересована в распаде России?

На самом деле речь идет о достаточно реальной угрозе, которая опирается на растущие в электорате радикально-националистические тенденции. Тенденциям этим власть, надо сказать, противостоит крайне неэффективно, а в чем-то их даже поощряет. На них спекули-

руют очень многие политики. Чего стоят «пятиминутки ненависти», регулярно транслируемые по государственным телеканалам, где все наши беды объясняются происками Запада. Почему государство не берет на себя труд терпеливо объяснять, что Америка категорически не заинтересована в распаде России и что мы волею истории на длительную историческую перспективу обречены быть если не союзниками, то партнерами Запада? Если ничего этого не делать, а способствовать антизападной риторике политических спекулянтов, не надо удивляться росту влияния радикал-националистов.

Тем более что проект использования этой политической силы был разработан самими кремлевскими политтехнологами, и путь ей на политическую арену проложили именно они на думских выборах 2003 года. Назывался этот PR-проект – блок «Родина». По замыслу постановщиков, «Родина» должна была, как партизанский отряд, пойти в тыл врага, взорвать штаб (то есть отобрать голоса у коммунистов, но не более 4, 5%) и погибнуть, то есть не пройти в Думу.

Возможно, один-два лидера могли бы вернуться с задания и получить причитающиеся им награды. А блок «Родина» совершил разгромный рейд по тылам коммунистов (и не только коммунистов), не погиб, набрал много сторонников, склонных к радикально-националистической, державной идеологии, и вернулся с победой, умножив свои ряды. А места для него в генеральном проекте «Государственная Дума» никто не предусматривал. И блок зажил собственной жизнью. Судя по всему, в президентской администрации довольно скоро сообразили, какого джина выпустили из бутылочки «кремлевские повара». Наверное, и сегодня многие помнят, с каким остервенением и скоростью думский аппарат свинчивал табличку руководителя фракции с кабинета С. Глазьева. И вообще все годы, прошедшие с думских выборов 2003, администрация вынуждена была заниматься «утилизацией» того, что осталось от блока «Родина».

Дело дошло до того, что на мартовских выборах 2006 года кандидатов «Родины» практически во всех округах, кроме одного, под разными предлогами не допустили к участию в выборах. Наконец, Д. Рогозина выгнали с поста партийного лидера, но, думается, проблема решена далеко не окончательно. Слишком глубокие корни радикально-националистической идеологии пустила сегодня в России. Да и популярность гонимых властью в России всегда возрастает. Так что В. Сурков прав, предупреждая о такой угрозе. Только не надо забывать, что львиная доля ответственности за ее появление и превращение в реальную политическую силу лежит на нынешней власти.

Теперь о задаче, которую В. Сурков ставит перед партияцамиединороссами. «Задача партии „Единая Россия“ не просто победить в 2007 году, а думать о том и делать все, чтобы обеспечить доминирование партии в течение минимум 10-15 предстоящих лет». И это для того, чтобы упомянутые противники, сторонники одного или двух шагов назад, не сбили Россию с «предначертанного» пути. Кто и как предначертал России путь длиной в 15 лет, остается неясным, как, впрочем, и то, не является ли этот путь дорогой в никуда. В качестве примера для подражания В. Сурков ссылается на опыт Японии и Швеции, где соответственно либерально-демократическая и социал-демократическая партии доминировали десятилетиями. И это нисколько не помешало странам развиваться по демократическому пути.

Заметим, что примеры, приведенные В. Сурковым, мягко говоря, не вполне корректны. И в Швеции, и в Японии партии побеждали на открытых и честных парламентских выборах. На их стороне не выступали ни японский император, ни шведский король. А после победы формировали правительства, принимая на себя всю ответственность за результаты его работы. И если бы избирателя эти результаты не удовлетворили, то на следующих выборах к власти пришла бы другая партия. Ничего сопоставимого в России нет.

Победа на выборах не делает «Единую Россию» партией власти. Никакого правительства она не формирует и ответственности ни за что не несет. Она может принять закон о монетизации льгот, а через несколько недель участвовать в демонстрации против его введения. Собственно, роль «Единой России» в политической системе страны сугубо инструментальна. С одной стороны, это подотдел президентской администрации по контролю над Госдумой, с другой – средство для выдавливания с политической арены сколько-нибудь серьезной оппозиции на федеральном и региональном уровнях.

В этой ситуации призывы В. Суркова к укреплению идеологической работы звучат по меньшей мере странно. У такой структуры нет и не может быть идеологии. Вспомним, чем кончилась попытка создать в «Единой России» левое и правое крыло. Медведя с крыльями не получилось. Да и для власти «Единая Россия» с идеологией может стать просто опасной, как стал блок «Родина», у которого какая-никакая идеология была. Показательно, что в заключительной части своего выступления В. Сурков обращается к слушателям с призывом: «Забудьте о том, правые вы или левые».

Партия общенациональная, и здесь синтезированы, как в обществе, разные интересы. У нас есть место и бизнесменам, и рабочим, и учителям, и врачам, и военным – всем...». А что же делать «всем» в одной политической партии, у которой к тому же нет пока идеологии? В. Сурков поясняет – бороться с политическими противниками, то есть с теми, кого власть сочтет таковыми. «И в каждом регионе должны быть люди, которые получают за это зарплату, которые с утра до вечера думают о том, как насолить конкурентам, как им возразить, как их поставить в глупое положение. И только так можно одержать победу в политической борьбе».

В этом пассаже стоило бы выделить два положения. Во-первых, полное отсутствие конструктивной программы. «Насолить, поставить в глупое положение...» – это ведь скорее из области плетения интриг, чем государственного строительства. Впрочем, государственными делами займется начальство, а «Единой России» надо помнить об отводимой ей роли.

ИНТРИГА-2007-2008

Теперь о предложении В. Суркова «Единой России» стать политической доминантой на ближайшие 15 лет и перспективах парламентских выборов 2007 года. Мы уже отмечали, что выражение «политическая доминанта» едва ли применимо к организации, которая, строго говоря, не является политической партией, не имеет возможности реализовывать политическую и экономическую программу, даже если они у нее появятся. По сути «Единая Россия» к властным рычагам не допускается.

Недавно президент Путин, говоря о правительстве партийного большинства, заявил: «Я против того, чтобы внедрять подобную практику сегодня... Это должно быть предметом рассмотрения для будущих поколений». Так что на те самые 15 лет, что В. Сурков отвел «Единой России» на политическое доминирование, она может не беспокоиться.

Что же привело в ряды этой организации уже более миллиона членов? Почему подавляющее большинство губернаторов тоже записались в члены партии? Пожалуй, два фактора играют решающую роль в этом процессе. Во-первых, членство в «Единой России» – это демонстрация лояльности действующей исполнительной власти, а без нее сегодня карьеры не сделаешь. Во-вторых, «Единая Россия» это, по сути, гильдия чиновников, «профсоюз» бюрократов, а именно они сегодня реально владеют Россией и собираются владеть дальше.

Идеология им совершенно без надобности, а вот право разрешать и запрещать, казнить и миловать им совершенно необходимо. Да и трансформировать свой административный ресурс в куски собственности они совсем не прочь.

Пожалуй, никогда еще в истории России власть чиновника не была так безгранична, и никогда еще он не чувствовал себя так безнаказанно. Ни государя, ни ревизора, ни суда, ни, на худой конец, партгосконтроля на него нет. А значит, нет и страха. И предложение В. Суркова о пятнадцатилетнем доминировании «Единой России» означает не что иное, как желание оставить страну на растерзание бюрократии еще на 15 лет. Но бесконтрольная власть чиновничества закроет России путь к модернизационному рывку навсегда.

Скорее всего такой чиновничий беспредел окончательно обрушит страну. Многие сходятся во мнении, что сценарий выборов-2007-2008 уже предопределен и никаких сюрпризов и отклонений ждать не следует. Однако нам представляется, что здесь возможны и неожиданные варианты.

Пока вся идеология «Единой России» сводится к фразе: «Мы поддерживаем президента Путина». Но сегодня в России, по сути, два политических субъекта используют имя Путина как бренд. Это сам президент В. В. Путин и огромное количество чиновников и партийцев-единороссов, которых можно условно назвать ОАО «Путин». Надо сказать, что пока их интересы в значительной степени совпадают, но чем ближе выборы, тем серьезнее будут расхождения.

Два года назад не партия выдвигала президента, а президент своим весом и волей определял ее положение в политической системе. Положение принципиально не изменилось и сегодня

Дело в том, что В. В. Путин твердо решил президентский пост оставить и не идти на нарушения Конституции. ОАО «Путин» с властью расставаться решительно не собирается. Но на сегодняшний день их позиции критически зависят от того, является ли президентом В. В. Путин. Без него их власть легко превращается в ничто и кареты становятся тыквами. Не случайно еще два года назад, тоже на партийной учебе, В. Сурков назвал «Единую Россию» «прицепным вагоном». Действительно, это не партия выдвигала президента, а президент своим весом и волей определял ее положение в политической системе. Положение принци-

пиально не изменилось и сегодня, только вагончиков стало больше, но локомотив тот же – В. В. Путин.

Как же это противоречие повлияет на выборы-2007-2008? Ситуация может развиваться по-разному. Предположим, президент Путин объявляет имя своего преемника. Допустим, чисто теоретически, что это будет спикер Совета Федерации г-н Миронов. Скорее всего после такого объявления мы услышим топот тысяч бегущих ног. Это члены «Единой России» побегут переписываться в «Партию жизни». У нее тоже нет идеологии, но им-то важна не идеология, а возможность остаться при власти. То есть партия «Единая Россия» может растаять без следа, как это было с «Нашим домом – Россией» и другими конструкциями при исполнительной власти. Ведь строились они из того же материала и по тем же чертежам, что и «Единая Россия». Только строители были не такими искусными, как В. Сурков.

Может быть назван и совершенно другой преемник, который захочет использовать существующую политическую конструкцию в своих целях. Тогда многое будет зависеть от того, как сложатся отношения партийных лидеров и новой администрации. Если ее вес будет значительно меньше политического веса В. Путина и его команды, возможен серьезный конфликт между партийной верхушкой и руководством исполнительной власти по поводу дележа полномочий.

Вполне допустимо, что «Единая Россия», выйдя из-под контроля сильной руки президента и своего создателя, заживет самостоятельной политической жизнью, выдвинет собственных политических лидеров и будет претендовать на реальную политическую власть в стране. Но в силу специфики своей организации все равно останется «кораблем без руля и ветрил». Тогда придется думать об «утилизации» этого проекта, как сегодня ломают голову в Кремле об утилизации проекта «Родина».

Наконец, возможен и такой вариант: понимая свою полную зависимость от президента Путина, вся эта многомиллионная партийно-чиновничья рать будет оказывать все возрастающее давление на президента Путина, требуя, чтобы он остался на своем посту хотя бы еще на один срок. И в конце концов сделает ему предложение, от которого Владимир Владимирович не сможет отказаться. Несмотря на все свои обещания.

М. Юрьев

ДВЕ ЛОГИКИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Говорят, что для любого произведения критика подобна ветру для костра: слабый задует, а сильный раздует еще сильнее. Встречается, однако, и другой случай – когда впечатление от объекта критики усиливается не за счет высвечивания его достоинств, а просто по сравнению с чудовищно низким уровнем самой критики. Иногда она столь убога, что на ее фоне и среднее произведение кажется вполне достойным, а уж сильное – так просто памятником человеческого духа. Именно такое ощущение вызывает шквал критических материалов, посвященных опубликованному выступлению В. Суркова перед партактивом «Единой России». Эта критика интересна и заслуживает анализа лишь тем, что из нее лучше становится понятно, что есть наша оппозиция, хотя это и так секрета не представляет; на этом фоне также проясняется и то, чем является и чем не является в плане идеологии наша власть. Практически все критикующие с обеих сторон упрекают Суркова в отсутствии логики, но, как станет видно далее, с логикой плохо как раз у них самих (впрочем, не только с ней).

КРИТИКА «СПРАВА»

Начнем с критики «справа», со стороны наших демократов, поскольку это случай клинический и разобраться с ним не займет много времени. Кстати, пора бы уж каким-нибудь нормальным общественным силам перехватить у них использование этого вообще-то хорошего слова, которое они монопольно присвоили, – глядишь, и перестало бы слово «демократ» быть в нашей стране ругательным. Большую часть перлов оттуда нет нужды разбирать, достаточно их просто процитировать. Г-н Гозман из СПС пишет, что «в США президент, партии и прочие... служат американцам, а не учат их жить» (отказ вывести войска из Ирака при 70% американцев, требующих этого, есть, по-видимому, самоотверженное служение американскому народу); «там никогда не было... контроля за СМИ» (американский «патриотический акт» с его совершенно открытой декларацией такового контроля, невиданное у нас даже при Брежневе единомыслие американской прессы, посадки в тюрьму ученых в Европе за публичное сомнение в количестве жертв холокоста – это все, видимо, не контроль, а что-то совсем иное). А чего стоит его следующее утверждение: «Бороться сегодня за суверенитет России – это то же, что готовиться к отражению марсиан»; надо рассказать это сербам и иракцам – на них, оказывается, просто напали марсиане, так что пусть не переживают. А вот г-н Фишман из «Коммерсанта»: «Мы не будем всерьез обсуждать... что причина низкой зарплаты учителей – недоплаченные бизнесом налоги»; в самом деле, какая же это причина – учителя, мерзавцы этикие, просто не хотят получать большую зарплату! Напоминает анекдот о встрече нового русского с одноклассником, который третий день не ел: «Надо, брат, себя заставлять».

Но особенно порадовали г-да Рыклин и Гольц из невзлинскоберезовского боевого листка, сетевого «ежедневного журнала». Начинают они с утверждения, что с удовольствием послушали бы И. Сечина на тему «Деприватизация как метод личного обогащения», но желательно не в виде лекции, а последнего слова на суде; экие свободолюбцы и гуманисты, однако, наши либерасты! Не могу им посочувствовать, потому что самому тяжело: я бы тоже с гораздо большим удовольствием читал их галиматью в формате прошения о помиловании – ничего, приходится терпеть, не все сразу, даже при том, что у меня шансов на «сбычу мечт» побольше, чем у них. Далее они называют Суркова «чиновником, которому померещилось, что его интеллектуальный уровень достаточен для складывания слов в предложения и даже формулирования задач»; а с чего, интересно, они решили, что их собственный уровень достаточен для журналистики, даже в таком чахлам издании, как «е. ж.», и вообще для чего-либо большего, чем рытье канав? Или нерусские фамилии и готовность вылизывать все места своим зарубежным хозяевам есть достаточное основание для того, чтобы считаться интеллектуалом? «Единственная объединяющая „единороссов“ идея – совместный распил бюджета». Действительно, нехорошо-то как: нет чтобы брать пример с известных бесребреников Березовского, Гусинского и Невзлина, проводящих дни в посте и молитве за Россию, без мяса, спиртного и женщин. Но полный отпад наступает, когда читаешь, что «так называемые враждебные внешние силы всего лишь робко говорят о том, что между ними и Кремлем увеличивается разрыв в базовых ценностях». Робко говорящие о чем-либо американцы – это покруче, чем строитель из анекдота, которому напарник уронил на голову кирпич, а он его укоряет: «Ну ты, Вася, не прав».

Или нерусские фамилии и готовность вылизывать все места своим зарубежным хозяевам есть достаточное основание для того, чтобы считаться интеллектуалом?

Не буду цитировать совсем уж клоуноподобных персонажей вроде Илларионова или Шевцовой – их пассажи читаются как история болезни: на читателя веет горячим дыханием безумия. Но есть ли все-таки в критике Суркова «справа» хоть что-нибудь достойное пусть и негативного, но все же содержательного комментария? Да, есть одна вещь, повторяющаяся в разных публикациях: как же так, в 90-е годы были хаос и Ельцин со своей командой, а из этого появился Путин, который сам в то время не улицы мел, и многое стало лучше – значит, не такие уж они были плохие, раз его выдвинули, а успехи его таким образом опираются на заложенный тогда фундамент. Ну, если следовать этой логике, то и руководители СССР были не столь плохи, раз из их среды вырос Ельцин, который тоже не в лагерях сидел, а был одним из самых демагогических партийных боссов; а успехи России 90-х годов – ведь демократы считают этот период успехом – опирались, получается, на фундамент СССР. На самом деле, если серьезная смена курса осуществляется не в результате кровопролитной войны, а относительно мирно, то это всегда происходит под водительством людей, входивших в элиту предыдущего режима, как, например, Наполеон в революционную элиту Франции 90-х годов XVIII века. Это закон истории, и по-другому бывает лишь тогда, когда переход был не мирным, – в этих случаях появляются недоучившиеся юристы типа Ленина. А поскольку у нас переход от ельцинизма к нормальной государственности произошел мирно, без войн и репрессий – какие уж там репрессии, если даже Чубайс до сих пор сидит на месте и, как поговаривают, открыто кормит свой СПС за деньги принадлежащего государству и частным акционерам РАО «ЕЭС», – то неудивительно, что возглавил этот процесс человек, пришедший не с помойки. А вот что успехи путинской России во многом опираются на то, что было, по выражению Гозмана, заложено тогда, – так это действительно так: и на заложенное в 90-х годах опирается, и в 70-х, и при Сталине, и при царях. Успехи любой страны опираются на всю ее предыдущую историю, в том числе на заложенное в ее неудачные и даже трагические периоды, причем периодов полностью черных, как и полностью белых, не бывает. Было, безусловно, немало правильного и полезного и в наши 90-е годы (о чем Сурков, кстати, говорит совершенно недвусмысленно), и считать их полностью потерянными для страны, как это делает Лужков, абсолютно неправильно; но это вовсе не повод иметь к Ельцину и его режиму иное отношение, чем то, что у нас есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.